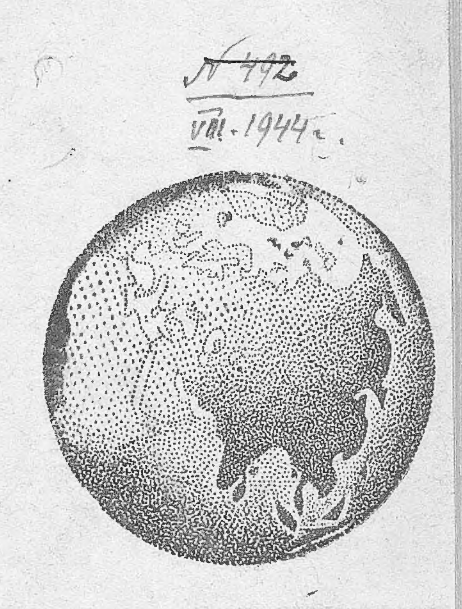

D18 5/2

ИЗВЕСТИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

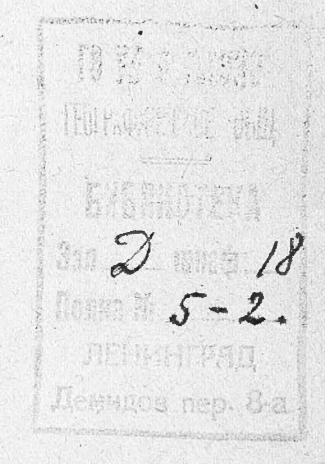
Том 74 1942

Isvestia de la Société de Géographie de l'URSS vol. LXXIV
Rédacteur V. L. Komarov, Vice-rédacteur V. A. Öbroutchev

ИЗВЕСТИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР АКАД. В. Л. КОМАРОВ
ЗАМ. ОТВ. РЕДАКТОРА АКАД. В. А. ОБРУЧЕВ

ТОМ LXXIV

МОСКВА — ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР — ЛЕНИНГРАД
1942

Посвящается памяти
командора ВИТУСА БЕРИНГА
в связи с 200-летием со дня его смерти
и открытием Аляски
и Командорских островов

★

In Memory of the
Commander VITUS BERING
on Account of 200 Anniversity from the Day of Death
and the Diskovery of Alaska
and the Commander-Islands.

ОТ РЕДАКЦИИ

Издание «Известий Всесоюзного географического общества», прерванное блокадой Ленинграда, удалось возобновить, несмотря на трудные условия отечественной войны, в конце 1942 г., выпуском настоящего номера.

В декабре 1941 г. исполнилось 200 лет со дня смерти командора Витуса Беринга, славного мореплавателя по морю, отделяющему Азию от Америки, открывателя Аляски и Командорских островов, начальника большой северной экспедиции, организованной по повелению Петра I для решения вопроса о соединении Азии и Америки и выяснения северного пути вокруг Азии в Японию, Китай и Индию. Поэтому последний номер «Известий» 1941 г. предполагалось посвятить памяти Беринга, что осуществляется только теперь. Вступительная статья члена-корреспондента Академии Наук Л. С. Берга знакомит читателей с основными задачами и достижениями экспедиций Беринга, имя которого увековечено наименованием Берингова моря, Берингова пролива и острова Беринга, самого крупного из группы Командорских островов, название которых также связано с этой экспедицией.

Остальное содержание настоящего номера также посвящено полярным путешествиям по преимуществу.

Главное место занимают материалы, собранные С. Н. Лаптевым в сибирских архивах и нигде до сих пор не опубликованные, связанные с злополучной американской экспедицией капитана Де-Лонга на судне «Жаннета», намеревавшейся достигнуть северного полюса, но затертой льдами в Восточно-Сибирском море, дрейфовавшей с ними почти 2 года до момента крушения судна в районе Новосибирского архипелага. Экипаж, разделившись на 3 отряда, направился к дельте р. Лены и, за исключением одного отряда, погиб частью в море, частью уже на суше от голода и болезней. Архивные материалы содержат также сведения о спасательных экспедициях, отправленных для поисков участников экспедиции, а в заключение отмечены научные и практические результаты путешествия Де-Лонга.

В отделе критики и библиографии помещен реферат академика А. А. Григорьева о книге капитана К. С. Бадигина, описывающей замечательный дрейф ледокола «Седов» по Ледовитому океану, который доставил так много новых данных по климату, гидрологии и ледовым условиям той части океана, которая расположена к северу от материка Евразии.

ИЗВЕСТИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
Том LXXIV 1942

Л. С. БЕРГ

ЭКСПЕДИЦИЯ БЕРИНГА

19 декабря 1941 г. исполнилось двести лет со дня смерти знаменитого мореплавателя капитана Витуса Беринга, по имени которого другим великим исследователем, капитаном Куком, назван пролив между Азией и Америкой.

Уместно вспомнить теперь о географических достижениях Беринга, стоявшего во главе экспедиции, которую Бэр справедливо называл «обширнейшим из всех известных географических исследований».

Иван Иванович (как его звали русские) Беринг был родом датчанин. Родился он в 1681 г. в Ютландии, в возрасте 23 лет был приглашен Петром I на русскую службу и определен в Балтийский флот с чином мичмана. Как опытный моряк, который «в Ост-Индии был и обхождение знает», Беринг был назначен в 1724 г. начальником Камчатской экспедиции. Следует сразу же отметить, что ни инициатива этого предприятия, ни план исследований не исходили от Беринга: и то, и другое были делом Петра I.

Первая Камчатская экспедиция

6 января (17) 1725 г., за три недели до смерти, Петр I собственноручно написал инструкцию, в которой приказывал: построить на Камчатке два палубных бота, на них плыть вдоль земли на север и искать, где эта земля «сошлась с Америкой», а затем «доехать до какого города европейских владений»; берега должны быть положены на карту.

Итак, согласно этой инструкции, экспедиция имела две цели: во-первых, разрешить вопрос о том, соединяется ли Азия с Америкой или они разделены проливом; во-вторых, плывя вдоль западных берегов Северной Америки, достичь европейских владений; ближайшими владениями европейцев в этих местах были в те времена территории, принадлежавшие испанцам, именно Мексика.

Мысль о том, соединяется ли Азия на северо-востоке с Америкой, весьма занимала Лейбница, и философ путем специальных записок и во время бесед с царем неоднократно напоминал ему о важности разрешения этого вопроса. «Никто, — писал Лейбниц в 1711 г., — не может лучше царя разрешить миру это сомнение, и это будет славнее и даже важнее, чем все, что сделано в свое время египетскими царями для исследования истоков Нила». В 1716 г. Лейбниц снова указывал Петру I на необходимость разрешения интересовавшей философа задачи.

Однако ответ на научный географический вопрос, существует ли между Азией и Америкой перешеек или пролив, был для Петра I не

самоцелью. Наличие пролива позволяло бы подойти к разрешению основной проблемы, занимавшей царя: мы имеем в виду отыскание пути в Китай и Индию вокруг северных берегов Сибири — проблему, которая была поставлена за 200 лет до Петра Дмитрием Герасимовым, московским посланником к папе Клименту VII [1]. О том, что Петра I занимала мысль найти «северо-восточный проход, или дорогу через Ледовитое море в Китай и Индию», мы имеем целый ряд свидетельств. Сошлемся здесь на сообщение ганноверского резидента Ф. Вебера, который был лично знаком с Берингом. В 1728 г., — говорит Вебер, — Беринг, желая узнать, соединяется ли Азия с Америкой, достиг 67°19′ с. ш. и «с очевидностью установил, что здесь, действительно, имеется северо-восточный проход; таким образом из Лены можно водою, если не помешают льды на севере достичь не только Камчатки, но и Японии, Китая и Остиндии» [2]. Прошло, однако, еще двести лет, прежде чем мечты Дм. Герасимова, Петра I, Ломоносова, Кропоткина, Воейкова, Макарова и Менделеева воплотились в жизнь: лишь в 1932 г. «Сибиряков» в одну навигацию прошел северным путем из Архангельска в Тихий океан.

Но возвращаемся к первой Камчатской экспедиции Беринга.

5 (16) февраля 1725 г., уже после смерти Петра I, Беринг получил инструкцию и в тот же день выехал из Петербурга. Кроме начальника, в состав этой экспедиции входили лейтенанты Чириков и Шпанберг, гардемарин Чаплин и свыше 60 человек матросов.

Алексей Ильич Чириков был одним из лучших моряков своего времени, и адмиралтейств-коллегия отзывалась о нем как о тщательном, исправном и искусном морском офицере. Этот замечательный мореплаватель, которому принадлежит честь открытия северо-западных берегов Америки, не был в достаточной степени оценен ни современниками, ни потомством. Скончался он в 1748 г. Мартин Шпанберг, родом датчанин, был хороший моряк, но грубый и неуживчивый человек, делавший множество неприятностей Берингу и Чирикову.

Путь экспедиции был таков: через всю Сибирь в Охотск, отсюда морем на Камчатку и далее на север. Перед руководителями вставали громадные трудности; так, например, перевезти грузы из Якутска в Охотск по дикой и безлюдной местности было делом чрезвычайно тяжелым. Вещи везли частью вьюком на лошадях, частью водою, частью на нартах, запряженных людьми. Из 663 лошадей до Охотска добрались только около 400, которые, однако, все пали от бескормицы в Охотске. Дорога от Петербурга до берегов Охотского моря заняла два года. Летом 1727 г. переправились на Камчатку, в Большерецк, а отсюда весь груз зимою перевезли на восточный берег Камчатки, в Нижнекамчатск. Здесь построили бот «Св. Гавриил», на котором 13 (24) июля 1728 г. вышли из устья р. Камчатки на север. 10 (21) августа открыли остров, названный именем Св. Лаврентия. Затем вошли в пролив, теперь называемый Беринговым. 15 (26) августа достигли 67°18′ с. ш. Так как тут земли больше не было видно, то Беринг решил, что задача исполнена: Азия не соединяется с Америкою, и приказал вернуться обратно. В своем донесении он говорит об этом так: «По всему видимому и по данной инструкции исполнено, понеже земля более к северу не простирается, а к Чукотскому или к восточному углу земли никакой не подошло, и возвратился. А ежели б еще итить далее, а случились бы противные ветры, то не можно б паки того лета возвратиться до Камчатки».

Между тем, Чириков советовал итти дальше, на запад к устью р. Ко-

[1] Примечания см. в конце статьи.

лымы и в случае надобности зазимовать здесь. Но Беринг не последовал этому предложению. Таким образом экспедиции не удалось видеть заворота азиатского берега к западу; равным образом не усмотрели и американских берегов. Последних не видели и на обратном пути. По этому поводу Ломоносов в своей записке «Краткое описание разных путешествий по северным морям» (1763) говорит: «Жаль, что идучи обратно, [Беринг] следовал тою же дорогою и не отошел далее к востоку, которым ходом конечно бы мог приметить берега северозападной Америки».

1 (12) марта 1730 г. Беринг, после пятилетнего отсутствия, вернулся в Петербург, где представил карту северо-восточной Азии, основанную на собственных съемках. Эта карта представляла собою достижение первостепенного научного значения. Однако нельзя не сказать, что Беринг не решил с непререкаемой очевидностью поставленной ему задачи — узнать, соединяется ли Азия с Америкой или нет. Ибо, как указал Чириков, мост между ними мог располагаться к западу от пути «Св. Гавриила». Также и адмиралтейств-коллегия была не совсем довольна результатами первой экспедиции Беринга. Она соглашалась, что в том месте, где плавал «Св. Гавриил», не было соединения, или, как тогда говорили, сходства, Камчатской земли с Америкою, но перешеек между Азиею и Новым светом мог находиться севернее. «И тако о несоединении заподлинно утвердиться сумнительно и ненадежно»[3].

В 1733 г. в Петербурге не было еще известно, что еще в 1648 г. Беринговым проливом прошел Семен Дежнев на своем пути из устья Колымы в устья Анадыря. Отписки и челобитные Дежнева впервые были найдены в Якутске Миллером лишь в 1736 г. Об этой находке Беринг немедленно сообщил в Петербург. В журнале адмиралтейств-коллегии от 20 декабря 1737 г. записано: «Прислано от него ж Беринга рассуждение обретающихся тамо профессоров соучиненным известием, как прежде от Лены не токмо до Колымы реки, но и от оной, обходя Чукотской нос, до Анадыря реки ход морем бывал»[4].

Равным образом в Петербурге, в бытность там Беринга после возвращения из первой Камчатской экспедиции, было неизвестно, что летом 1732 г. подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Гвоздев, выйдя из устья р. Камчатки, достигли Берингова пролива, осмотрели острова, расположенные в самой узкой части пролива, а затем стали у берега «Большой Земли», т. е. Америки, по близости от мыса принца Уэльского.

Итак, первым, открывшим пролив между Азией и Америкой был не Дежнев и не Беринг, а Федоров, который не только видел острова Гвоздева и противолежащие берега Азии и Америки, но первый дал описание, достаточное для составления карты этих мест.

Вторая Камчатская экспедиция

Беринг сам сознавал, что его плавание 1728 г. не вполне разрешило поставленные ему задачи. Уже в апреле 1730 г. он подал проект новой экспедиции, которая должна была: 1) разведать берега Америки, 2) обследовать путь морем от устья Амура до Японии, 3) положить на карту берега Сибири от Оби до Лены. 17 апреля 1732 г. последовал указ о снаряжении новой экспедиции «на Камчатку» под начальством Беринга. В обсуждении плана и целей экспедиции принимали участие сенат, адмиралтейств-коллегия и Академия Наук. Согласно указу сената от 28 декабря 1732 г., одна из целей экспедиции состояла в том, чтобы узнать, «если ли соединение Камчатской земли с Америкою, тако-ж имеется-ль проход Северным морем»[5], т. е. можно ли пройти морем от

устья Колымы до устья Анадыря и Камчатки. «А буде такое место придет, что сибирский берег с американским сошелся и потому нельзя до Камчатки пройти, то следовать подле того берега сколько возможно, которой поведет к северной стране... и притом выведывать, далеко ль на другой стороне земли Полуденное или Восточное море, и потом возвратиться в Ленское устье и в Якуцк по прежнему, не замешкиваясь до такого времени, когда там лед становится... А ежели такого соединения американских земель не найдут, то отнюдь назад не возвращаться, но обходить угол и притти до Камчатки».

Другая цель, которую ставил сенат, это — «обыскание берегов американских» и «изыскание пути до Японии»; кроме того, надлежало описать р. Удь и берег от устья р. Уди до Амура (там же, стр. 93—96).

Тем же указом (1732) Берингу предписывалось в соответствии с предначертаниями Петра I «доехать до которого города или местечка европейских владений», т. е. до Мексики. В своих соображениях по поводу указа 28 декабря 1732 г. Чириков не советовал плыть к Мексике: по его мнению, целесообразнее было бы исследовать берега Америки к северу от этой страны, именно между 65° и 50° с. ш.[6]. Частью поэтому, а частью из опасения вызвать осложнения с Испанией, * адмиралтейств-коллегия в своем заседании 16 февраля 1733 г., рассматривая инструкцию Беринга, определила, что, по ее мнению, «за важность или за нужду, чтоб в помянутых европейских владениях быть не разсуждается, ибо те места уже известные и на картах положенные, к тому ж и от некоторых испанских кораблей осмотрены американские берега до 40° северной широты или выше». Поэтому адмиралтейств-коллегия ставила задачей «сыскать неизвестные американские берега». По мнению адмиралтейской коллегии, надлежит... «когда самые американские берега тамо, как чается, найдут, то на оных небывать, проведав подлинно, какие на них породы и как то место называют и подлинно ль те берега американские..., поставить все на карту и потом идти для такого ж разведывания подле тех берегов, сколько время и возможность допустит, по своему рассмотрению, дабы к камчатским берегам могли по тамошнему климату возратиться во благополучное время».

Подобно первой Камчатской экспедиции, и вторая, согласно проекту Беринга, должна была достичь Камчатки сухим путем, через Сибирь. Однако в среде адмиралтейств-коллегии были члены, которые, во главе с президентом Н. Ф. Головиным, настаивали на том, чтобы осуществить экспедицию морским путем — вокруг Южной Америки и мимо Японии. Призванные в сенат члены адмиралтейств-коллегии «представляли, что можно отправить на Камчатку из Санкт-Петербурха корабли, которые де могут там, о чем намерение есть, исправить, и к тому морские офицеры практику иметь, причем требовали, чтоб дать им в коллегию известие о том, что надлежит к той экспедиции касающиеся, а они могут изыскивать о том полезных способов». Но это предложение не было принято, и первое русское кругосветное плавание было осуществлено лишь в 1803 г. под начальством Крузенштерна и Лисянского, которые избрали именно тот путь на Камчатку, который был предложен Головиным, — мимо мыса Горн.

Вторая Камчатская экспедиция, по обширности плана, по охвату исследованной территории и по важности добытых научных и практиче-

* А. Покровский. Экспедиция Беринга, 1941, стр. 29—31. Адмиралтейств-коллегия в своем журнале от 16 февраля 1733 г. высказывалась так: «Паче же состоит опастность, дабы не впасть при сильном или противном случае в какое несчастие от тамощних европейского владения мест, ибо оные состоят под протекциею Испании».

ских результатов, занимает одно из самых значительных мест в истории географической науки. Экспедиция состояла из нескольких частей или групп, действовавших в значительной степени самостоятельно. Одна часть занималась исследованием северных берегов Сибири, другая плавала к берегам Японии и Америки, третья, академическая, производила научные изыскания в Сибири. Коснемся в самых кратких чертах деятельности каждой из этих групп.

1) Десятилетие (1734—1743) работы по съемке северных берегов Сибири от Вайгача до Анадыря входят в историю географических открытий как один из самых славных подвигов. Только после описей камчатских экспедиций Беринга очертания Азии на севере и северо-востоке приняли тот вид, к какому мы привыкли на современных картах.

Работы описных отрядов происходили в необычайно трудных условиях — при сильных морозах, в бурную погоду, в безлюдных местах, при недостатке провизии; среди участников исследований свирепствовала цынга; так, из 45 человек экипажа бота «Иркутск», которым командовал лейтенант Ласиниус, погибло от цынги 36 человек, включая и начальника (это случилось к востоку от Ленской дельты). Особо следует отметить труды лейтенанта Прончищева и его доблестной супруги, нашедших себе смерть в устье Оленека. Подштурман Семен Челюскин достиг в 1742 г. северной оконечности Азии, теперь называемой мысом Челюскина, и с достаточной точностью определил его широту (77°34′). Харитон Лаптев, один из замечательнейших русских моряков, производил опись между устьями Лены и р. Таймыром на полуострове того же имени. Он оставил прекрасное описание этих мест. Берега к востоку от устьев Лены исследовал лейтенант Дмитрий Лаптев, достойный брат Харитона. Море между Таймыром и Новосибирскими островами носит название моря Лаптевых в честь этих отважных мореплавателей.

В результате громадных десятилетних усилий был положен на карту весь северный берег Сибири. Научное и практическое значение этого подвига русских моряков трудно переоценить.

2) Переходим теперь к работе тех отрядов, которыми непосредственно командовал сам Беринг. В помощники ему были определены Чириков и Шпанберг. Состав экспедиции, чрезвычайно многочисленный, начал выезжать из Петербурга в феврале 1733 г. В Якутск Беринг прибыл только через полтора года и после трехлетнего пребывания здесь переехал в Охотск. Сенат и адмиралтейств-коллегия упрекали Беринга в медлительности, на что он писал в рапорте сенату: «и тако мне бытие здешнее (т. е. пребывание в Якутске) мило, что легче б я три или хотя и более морских компаний окончил, нежели здесь быть один год».

Из Охотска Беринг посылал в 1738 и 1739 гг. Шпанберга и Вальтона к берегам северной Японии. Они положили на карту Курильские острова и частью острова Иезо (Хоккайдо) и Хондо. В те времена очертания Японии были известны очень плохо: остров Иезо на одних картах изображался как полуостров Азии, на других этот остров причленяли к Америке, на третьих ему придавали громадные размеры, помещая между Азией и Америкой; Страленберг на своей карте 1730 г. отождествил Иезо с Камчаткой. Данные экспедиций Беринга впервые разъяснили положение вещей. Кроме того, Шпанбергу и Вальтону мы обязаны первыми русскими сведениями о Японии. Наши мореплаватели достигли, вдоль восточных берегов Японии, 35°10′ с. ш. Высаживавшийся здесь штурман Казимеров доносил: «Ходил по слободе, в которой, например, дворов около полуторы тысяч, строение во оной слободе деревянные и каменные палаты, и устроено вдоль по берегу близ берега

например версты на три, и жители той слободы имеют в домах чистоту и цветники в фарфоровых чашках, также и лавки в домах с товарами, в которых видел пестряди бумажные и шелковые, а иного вскорости рассмотреть некогда было; скота имеют у себя коров и лошадей, також и курицу. А хлеба, повидимому, кроме пшена (рису) и гороху у них нет; из овощей имеют они виноград, померанцы, шепталу и редис». Инструкция адмиралтейства предписывала в бытность при берегах Японии обо всем спрашивать ласкою, не показывая «никакого озлобления». С своей стороны, и японцы принимали русских гостеприимно. Следует отметить, что в те времена сношения с иностранцами были разрешены японцам только в г. Нагасаки.

3) В июне 1740 г. в Охотске были закончены постройкой и спущены на воду два пакетбота, «Св. Петр» и «Св. Павел», каждый по 25 м длиной, двухмачтовые, водоизмещением по 100 тонн. На этих суденышках нашим мореплавателям предстояло пересечь Тихий океан и достичь берегов Америки. В октябре 1740 г. суда пришли в Авачинскую бухту и гавань, где стали на якорь «Петр» и «Павел», одну из лучших в мире. Беринг назвал ее Петропавловской.

4 (15) июня 1741 г. «Св. Петр», которым командовал Беринг, и «Св. Павел», командиром которого был Чириков, вышли из Авачинской бухты на юго-восток. С Берингом отправились натуралист Стеллер, лейтенант Ваксель с сыном, мастер Хитров, подштурман Южин и разжалованный из лейтенантов матрос Д. Л. Овцын. С Чириковым пошли в плавание лейтенанты Чихачев и Плаутинг, мастер Дементьев и штурман Елагин. 20 июня (1июля), во время свежего ветра, приблизительно под 49° с. ш., суда потеряли друг друга из виду, и с этого дня Берингу и Чирикову больше не пришлось встретиться.

В ночь на 15 (26) июля, под 55°36′ с. ш. Чириков увидел землю, которую признал «подлинною Америкою». На берегу виднелись высокие горы и лес. Это был мыс Аддингтона на одном из островов к западу от острова Принца Уэльского. Идя затем вдоль берега на северо-запад, от несчастной случайности потеряли штурмана Абрама Дементьева и с ним 14 человек команды. Кроме потери людей, особо чувствительна была еще гибель обеих шлюпок: стало невозможно запасаться пресной водой. Поэтому Чириков был вынужден итти назад, в Камчатку. Путь назад шел вдоль цепи Алеутских островов, некоторые из которых были положены на карту. 8 (19) сентября, у острова Адак встретились с алеутами. Весьма сильно давал себя чувствовать недостаток пресной воды. На «Св. Павле» началась цынга, от которой скончались шестеро. Был болен и командир. 9 (20) октября (1741) вошли, наконец, в Авачинскую бухту. Из 70 человек экипажа вернулись всего 49. «Плавание Чирикова, — говорит А. Соколов (1849), — есть истинное торжество морского искусства, торжество воли человека над случайностями». Только в 1746 г., через 4 года после окончания своих многотрудных плаваний, Чириков был вызван из Енисейска в Петербург.

Возвращаемся к плаванию Беринга. Берега Америки были усмотрены со «Св. Петра» 15 (27) июля на 1½ суток позже Чирикова. На берегу виднелась громадная снеговая сопка и снеговые хребты. Это была гора, известная теперь под именем горы св. Ильи, высотой в 5500 м, одна из высочайших в Северной Америке. 20 (31) июля подошли к острову, которому дали имя св. Ильи,—теперь остров Каяк; южный конец его лежит под 59°47′ с. ш. На остров отправились Стеллер и Хитров. Стеллер сделал ряд ценных наблюдений над растительностью этих мест; жителей не встретили, так как они, завидя чужих, бежали. Но путешественник

подробно описал остатки их быта. В те времена на острове жили эскимосы, подвергшиеся влиянию индейцев-тлинкитов.

25 июля (5 августа) Беринг отправился в обратное плавание. Из-за постоянных штормов, притом встречных, оно было сопряжено с громадными трудностями. Цынга унесла много жертв — среди них, как увидим, и самого начальника экспедиции. Но в научном отношении плавание было весьма плодотворным: как и корабль Чирикова, «Св. Петр» шел назад в районе Алеутских островов, многие из которых были впервые нанесены на карту. Еще ранее Берингом были открыты о. Кадьяк, о. Укамок, Шумагинские острова. Во время стоянки в Шумагинском архипелаге впервые (раньше Чирикова) встретились с алеутами, живое описание которых дано Стеллером. Название алеуты (по-чукотски — «островитяне») было присвоено этому народу русскими еще в первой половине XVIII века, вскоре после экспедиции Беринга. В отчетах экспедиции алеуты именуются просто «американцами». Спутников Беринга алеуты, никогда не видавшие европейцев, приняли за неземные существа и воздавали им божеские почести.

В сентябре и октябре свирепствовали такие ужасные противные ветры, что офицеры начали убеждать Беринга повернуть обратно, к Америке. Но командир не соглашался. На судне было много больных цынгой, среди них и Беринг. От недостатка воды и провизии и от ужасной качки больные стали один за другим умирать. Командор передал управление судном Ваксемю и Хитрову. Вот что рассказывает Ваксель (1940, стр. 70) в своих записках: «В нашей команде оказалось теперь столько больных, что у меня не оставалось почти никого, кто бы мог помочь в управлении судном. Паруса к этому времени износились до такой степени, что я всякий раз опасался, как бы их не унесло порывом ветра. Заменить же их другими, за отсутствием людей, я не имел возможности. Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые были способны еще немного двигаться. Матросы усаживались на скамейку около штурвала, где им и приходилось в меру своих сил нести рулевую вахту. Когда же вахтенный оказывался уже не в состоянии сидеть, то другому матросу, находившемуся в таком же состоянии, приходилось его сменять у штурвала. Сам я тоже с большим трудом передвигался по палубе, и то только держась за какие-нибудь предметы. Я не мог ставить много парусов, так как в случае необходимости не было людей, которые могли бы их снова убрать. И при всем том стояла поздняя осень, октябрь-ноябрь, с сильными бурями, длинными темными ночами, со снегом, крупой и дождем».

Наконец, 4 (15) ноября утром увидели перед собою высокую землю. В это время судно было в отчаянном положении. Каждый день по одному или по двое умирало от цынги. Сухарей не было, а воды очень мало... Открывшаяся земля казалась измученному экипажу Камчаткой, именно окрестностями Авачинской губы. На самом деле, «Св. Петр» находился близ острова Беринга, того самого, на котором несчастный командир нашел свою могилу и который отстоит на 8° восточнее Авачинской губы.

В это время на судне все ванты оказались перебитыми, и парусами управлять нельзя было; из экипажа 12 человек умерли, 34 были больны цынгой и к судовой работе неспособны, остальные 10 только с трудом могли быть использованы. На совете, который собрался вечером 5 (16) ноября в каюте Беринга, было постановлено итти к берегу, все равно, есть ли там удобное для стоянки судна место или нет. Броси-

ли якорь у открытого каменистого берега, но канат лопнул, и корабль понесло к берегу. Однако волны, подхватившие судно, поставили его совершенно невредимо в спокойную лагуну.

С утра следующего дня начали перевозить больных на берег. 8(19) ноября перевезли на носилках Беринга и поместили в землянке. Девять человек умерли во время перевозки на берег или сейчас же по переносе на землю. Некоторые, выйдя из душного трюма на свежий воздух, моментально умирали.

8 (19) декабря (1741) скончался в полном сознании начальник Камчатской экспедиции и командор Беринг. Его похоронили по близости лагеря. По общим отзывам как сослуживцев, так и подчиненных Беринг был мягкий и справедливый человек. Не питая особого интереса к отвлеченно-научным исследователям, он исполнял порученное ему дело с большим тщанием и добросовестностью. Бэр справедливо говорит, что при любом другом начальнике такое громоздкое дело, как вторая Камчатская экспедиция, очень скоро развалилась бы. Беринг же довел его до конца.

Стеллер дал прекрасное описание острова и обитавших на нем и у его берегов зверей. В те времена у берегов в изобилии водилась морская корова, доставлявшая больным цынгой целебные для них жир, молоко и мясо. Последний экземпляр этого громадного, но совершенно безобидного животного был истреблен у соседнего о. Медного в 1768 г. На берегах и в воде встречалось множество котиков, морских бобров (правильнее морских выдр), тюленей, сивучей. Остров кишел песцами.

В августе 1742 г. из остатков «Св. Петра» построили судно длиною 11 м. На нем 13 (24) августа вышли в море, дав оставленному острову имя Беринга. Через 13 дней достигли Авачинской бухты. Рапорт Вакселя с сообщением о судьбе Беринга был получен в Петербурге только через год, в сентябре 1743 г.

4) Остается еще сказать о работах ученых, направленных Академией Наук в Сибирь для исследований природы, географии и истории этой страны. Академик Герарт Фридрих Миллер (1705—1783), впоследствии известный историк, собрал в сибирских архивах драгоценные материалы по истории и географии края, легшие в основу его «Описания Сибирского царства» (1750). В издававшемся Академией Наук журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» Миллер напечатал обстоятельный обзор экспедиции Беринга. Следует отметить еще, что в Сибири Миллер изучал быт бурятов, тунгусов, остяков, вогулов.

Профессор химии и натуральной истории Иоганн Георг Гмелин (1709—1755) собрал в Сибири богатейшие ботанические коллекции. Составленная им на основании этих материалов «Flora sibirica», заключающая описание 1178 сибирских видов растений, до сих пор остается классическим трудом. В 1751—1752 гг. Гмелин опубликовал в Германии свою книгу «Reise durch Sibirien» — отчет о сибирском путешествии.

Геолог Вильгельм Стеллер (1709—1746) был необыкновенно талантливый натуралист. О его работах во время плавания «Св. Петра» к Америке и обратно мы уже говорили. Стеллер оставил весьма содержательный отчет об этом плавании. Его перу принадлежит также обстоятельное описание Камчатки. Помимо того, Стеллер деятельно собирал растения в Сибири и в Приуралье как до плавания в Америку, так и после. Стеллер скончался в Сибири от горячки, на пути в Петербург. Погребен он в Тюмени.

Исследователь Камчатки Степан Петрович Крашенинников (1711—

1755) родился в Москве в семье солдата, а скончался в Петербурге в звании академика «Он был, — говорит Миллер, — из числа тех, кои ни знатною природою, ни фортуны благодеянием не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою, произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков и сами достойны называться начальниками своего благополучия». По окончании обучения в Славяно-греко-латинской академии в Москве Крашенинников в конце 1732 г. был определен в Академию Наук, а в следующем году «отправлен при академической свите в Камчатскую экспедицию с жалованьем по сту рублей в год». В 1733—1735 гг. он работал в Сибири под руководством Миллера и Гмелина. С 21 октября 1737 г. по 28 мая 1741 г. занимался изучением природы Камчатки и историей населения этой страны. По возвращении в Петербург в 1743 г. Крашенинников вскоре был избран в состав Академии. Его классический труд «Описание земли Камчатки», напечатанный Академией Наук в 1755 г., вышел в свет уже после смерти автора, последовавшей 25 февраля 1755 г. Книга Крашенинникова, переведенная на многие европейские языки, доныне представляет основное пособие к познанию Камчатки. Она издавалась по-русски трижды, последний раз более 100 лет тому назад. По случаю юбилея камчатских экспедиций предполагается переиздание этого замечательного произведения.

Как видим, труды академических членов Камчатской экспедиции были чрезвычайно плодотворны.

Прекращение экспедиции

С весны 1738 г., когда в кабинет министров вступил А. П. Волынский[7], положение в Петербурге изменилось в сторону, не благоприятную для продолжения работ Камчатской экспедиции и, в частности, — для Беринга. Летом 1738 г. в кабинет министров поступил донос Скорнякова-Писарева, в котором говорилось, что от Камчатской экспедиции «до сего никакого приращения интереса (т. е. выгод) не учинено, да и впредь не надеется быть, кроме великих государственных казенных убытков», что четверо судов, построенных в Тобольске и Якутске, якобы втуне пропадают и пропадут, «понеже от них никакого прохода никуды не сыскали», что «капитан командор Беринг еще в Охотск не поехал» и что, наконец, «та экспедиция напрасилася в Сибирь ехать только для наполнения своего кармана»[8]. По этому ложному доносу кабинет министров за подписями Остермана и Волынского, 19 августа 1738 г. постановил: поручить сенату совместно с адмиралтейств-коллегиею рассмотреть «возможно ли оную Камчатскую экспедицию в действо произвесть, дабы от того, хотя б впредь, напрасных казне убытков не было».

В начале 1740 г., по инициативе Соймонова, возникло предположение заменить Беринга Шпанбергом — человеком, по своему характеру совершенно не подходящим для роли главного начальника. К счастью, это намерение, как и вышеупомянутый проект прекращения экспедиции, не было осуществлено. Но в Петербург был возвращен из ссылки в Охотск недоброжелатель Беринга и всей экспедиции, клеветник и грязная личность Скорняков-Писарев, о котором мы только что упоминали. В ответственных учреждениях он скоро сделался главным советником по делам экспедиции. Под его непосредственным влиянием в сентябре 1743 г. был составлен доклад императрице Елизавете о делах Камчатской экспедиции; работы этого замечательного предприятия освещались

в докладе самым тенденциозным образом: экспедиция, сделавшая первостепенные географические открытия и навсегда прославившая имя русских моряков, объявлялась действовавшей «без всякого плода» [10]. По мнению сената, «экспедицию, от которой Сенат ни малого плода быть не признавает, надлежит вовсе отставить».

Эти легкомысленные суждения были высказаны лицами, которые ни в какой степени не были в состоянии оценить «плоды» экспедиции Беринга. Кроме того, к 1743 г. и невозможно было иметь готовые «плоды» обширного научного предприятия, длившегося около 20 лет.

Тот же клеветник Скорняков-Писарев составил для представления императрице «экстракт» о делах Камчатской [11] экспедиции, включая и работы на севере Сибири, — насквозь бесстыдно лживый [12]. Чтение этого единственного в своем роде документа не может не возбудить в каждом величайшего негодования. Правда, от такой бесчестной личности, как Скорняков-Писарев, можно было ожидать всего, но удивительно, как вышестоящие органы могли относиться с доверием к писаниям этого проходимца.

Итак, указом сената, данным адмиралтейств-коллегии 26 сентября 1743 г., экспедиция была прекращена, причем руководители были оставлены на жительство в Сибири, а не вызваны, как следовало ожидать, в Петербург для доклада. В указе о прекращении экспедиции руководителям и участникам не была объявлена благодарность за понесенные тяжкие труды.

Но потомство иначе оценило достижения этого великого предприятия, составившего эпоху в истории географической науки и прославившего имя русских моряков.

В заключение, отметим главнейшие достижения экспедиций, действовавших под общим руководством Беринга:

1) Нахождение пути через Берингов пролив.

2) Опись берегов Камчатки и северо-восточной Азии.

3) Совершенно исключительный подвиг съемки северных берегов Сибири от Вайгача до Анадыря, делающий имя русских моряков бессмертным в истории географических открытий.

4) Опись Курильских островов и части северной Японии.

5) Открытие северо-западной Америки Чириковым и Берингом.

6) Открытие Алеутских островов и первое описание алеутов.

7) Открытие острова Беринга и описание его природы Стеллером; особо надо отметить подробное описание морской коровы, ныне истребленной.

8) Исследование Камчатки Крашенинниковым и Стеллером.

9) Работы И. Гмелина по изучению Сибири, особенно его исследование флоры этой страны.

10) Труды Н. Миллера по истории, географии и этнографии Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. Л., 1935, 411 стр. (печатается новое издание).

2. Stejneger L. Georg Wilhelm Steller. Cambridge, Mass., 1936, XXIV+623 p. (обширная библиография: p. 565—599).

3. Биография Крашенинникова (А. И Андреева) и ряд статей о нем в «Советском Севере», 1939, 196 стр.

4. Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII в XIX веках. Л., 1934, Ак. Наук, стр. 36—69, 128—133.

5. Ваксель Свен. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Пер. с немецкого Ю. И. Бронштейна под ред. А. И. Андреева, Л. 1940, Глав. упр. сев. мор

пути, 175 стр. (в приложении рапорт Вакселя в адмиралтейств-коллегию от 15 ноября 1742 г., стр. 138—152).

6. Экспедиция Беринга. Сборник документов. Подготовил к печати А. Покровский. М., 1941, изд. Гл. архив. упр., 418 стр. (с вступительной статьей А. Покровского, стр. 6—56 и примечаниями его же, стр. 373—413).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. об этом в моей статье: Ломоносов и первое русское плавание для отыскания северовосточного прохода. Известия Географ. общ., 1940, в. 6, стр. 713.

[2] Weber, Das veränderte Russland. III, Hannover, 1740, p. 157.

[3] Экспедиция Беринга, 1941, стр. 155.

[4] Материалы для истории русского флота, VIII, 1880, стр. 386.

[5] «Экспедиция Беринга», 1941, стр. 91, 155.

[6] Предложение Чирикова адмиралтейств-коллегии от 12 февраля 1733 г. «Экспедиция Беринга», 1941, стр. 205.

[7] А. Покровский. «Экспедиция Беринга», стр. 40 и сл.

[8] «Экспедиция Беринга», 1941, стр. 83—84.

[9] Там же, стр. 259—267.

[10] Там же, стр. 259—267.

[11] Там же, стр. 365.

[12] Экстрат этот напечатан в сборнике «Экспедиция Беринга», 1941, стр. 367—371.

С. Н. ЛАПТЕВ

К МАТЕРИАЛАМ ПО ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ КАПИТАНА ДЕ-ЛОНГА НА СУДНЕ «ЖАННЕТА»

В областном архиве Восточной Сибири имеются четыре дела бывшего Главного управления Восточной Сибири, касающиеся американской полярной экспедиции на судне «Жаннета» («Jannette»).

Первое из них озаглавлено: «О полярной экспедиции лейтенанта Джорджа Де-Лонга на судне «Жаннета» (к. 2119, с. 364 на 432 листах, 1879—1882 гг.); второе — «О перевозке с устьев Лены в Америку трупов американцев с погибшего парохода «Жаннета» и о поисковой партии под начальством лейтенанта Гарбера, снаряженной для дальнейших поисков американцев с «Жаннеты» (к. 2124, с. 484 на 55 листах, 1882—1883 гг.); третье — «О второй полярной экспедиции, снаряженной американским правительством под начальством лейтенанта Берри, для отыскания экипажа погибшего в Ледовитом океане парохода «Жаннеты» (Роджерс; к. 2124, с. 447 на 25 листах, 1882 г.); четвертое — «О разыскании оставленных капитаном Де-Лонгом в «Сердце-камень» бумагах, подлежащих передаче А. М. Сибирякову» (к. 2122, с. 397, на 9 листах, 1880 г.).

Перечисленные дела состоят из предписаний, предложений министерством внутренних дел и министерством иностранных дел председательствующему в совете Главного управления Восточной Сибири, донесений и представлений якутского губернатора генерал-майора Г. Черняева, помощника верхоянского исправника Х. Игнатьева, телеграмм, писем, донесений инженера Г. Мельвиля, лейтенантов Д. Доненгойера, Г. Гарбера и Б. Шютце.

Уже при первом беглом пересмотре дел выяснилась несомненная ценность архивного материала как первоисточника. Перед нами развернулась вся история экспедиции; с запыленных, пожелтевших листов встала ужасная, но теперь уже наполовину забытая трагедия экипажа «Жаннета».

Мысль обработать этот не известный в литературе материал у нас возникла сама собой, и настоящая статья является ее воплощением.

В дальнейшем выяснилось, что упомянутый архивный материал не единичный. В архиве г. Средне-Колымска до наших дней сохранились дела, касающиеся экспедиции на судне «Жаннета». Они состоят из отпусков, донесений исправника, донесений его помощника и других должностных лиц, а также из обширной переписки спасшихся членов экспедиции с родственниками [1].

Вместе с тем нам стало известно, что имеется еще один не менее ценный первоисточник — это рукописный дневник П. Калинкина, спутника инженера Г. Мельвиля по розыску останков капитана Де-Лонга и его товарищей [2].

Что же касается Якутского областного архива, то дела, касающиеся американской полярной экспедиции на «Жаннете», несомненно были, но погибли от пожара в 1890 г.[3].

Казалось, возможно было бы много ожидать от архива Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Помимо личного интереса отдела к экспедиции, так или иначе связанного с территорией, подлежащей его изучению, отделу передавались все бумаги, поступавшие в разные присутственные места; бумаги, заключающие в себе какие-либо данные по тем отделам знания, которые входят в круг его деятельности [4]. Естественно, что здесь, в старейшей краеведческой организации Восточной Сибири, как нигде, должны были бы сохраниться следы по интересующему нас вопросу.

Однако мы просмотрели все архивные дела отдела (отчеты, протоколы распорядительного комитета, переписку с учреждениями и лицами) с 1879 по 1883 гг. включительно и, за исключением извещения иркутского полицмейстера на имя председателя отдела об ожидаемом прибытии в Иркутск лейтенантов Гарбера и Шютце с останками капитана Де-Лонга и его товарищей и указания на экстренное заседание отдела по упомянутому случаю, ничего не нашли [5].

В архиве Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества представляет интерес только картина местного художника А. Катерла (A. Katerla), изображающая проводы из Иркутска 9 декабря 1883 г. останков капитана Де-Лонга и его 9 товарищей; картина эта нарисована тушью на толстой ватманской бумаге, размером 62 × 95 см (см. фоторепродукцию).

Из документов второго дела видно, что в распоряжении генерал-губернатора Восточной Сибири, в то время Д. Г. Анучина, были какие-то фотографии в количестве шести штук; он препроводил их министру внутренних дел графу Н. П. Игнатьеву [6]. Мы полагаем, что они были сняты с оставшихся в живых участников экспедиции на «Жаннете», — пять таких фотографий, снятых с матросов «Жаннеты» в 1882 г. в Иркутске, были доставлены в местный областной музей В. Кубинцевым; сюда же, повидимому, надо отнести и фотографии, приложенные к описанию путешествия У. Гильдера в Сибирь для поисков экспедиции лейтенанта Де-Лонга [7].

Сколько нам известно, никаких фотографий, связанных с экспедицией на «Жаннете», в архиве Восточно-Сибирского отдела Российского географического общества не имеется.

Экспедиция на паровом судне «Жаннета» была снаряжена в 1879 г. правительством Соединенных Штатов Америки на средства Джемса Гордона Беннета (J. G. Bennet), собственника газеты «Нью-Йорк Геральд» (New York Herald).

Помимо чисто научной цели — достижения северного полюса, исследования неизвестных областей Северного Ледовитого океана, примыкающих к берегам Сибири, — она имела и практическую задачу — поиски шведско-норвежской экспедиции профессора Норденшельда на судне «Вега» (Vega), оказание ей помощи и содействия [8].

Во главе экспедиции находился лейтенант морской службы Джордж Вашингтон Де-Лонг (De Long , уже известный своим участием в экспедиции 1873 г. в Баффинов залив[9]. Экипаж составляли: лейтенант Г. Чипп (G. Chipp), Г. Доненгойер (G. Donengaver), инженер Г. Мельвиль (G. Melvill), врач Д. Эмблер (J. Ambler), метеоролог Д. Коллинс (J. Collins), естествоиспытатель Р. Ньюкомб (R. Newcomb), ледовый мастер Денбар (Dunbar), два эскимоса-охотника и 23 матроса, среди которых были три китайца. Оборудование и погрузка судна производились на острове Мор в Калифорнии и закончились 2 июня в 1879 г. Экспедиция была обеспечена провиантом на три года. Оборудование инструментами и приборами для научных исследований не оставляло желать ничего лучшего.

Русское правительство выдало лейтенанту Де-Лонгу открытый лист к приморским властям Сибири на предмет содействия экспедиции. Надо заметить, что министерство иностранных дел вообще крайне неохотно решалось на выдачу подобных документов иностранцам, так как это было сопряжено, в особенности в местах отдаленных, с значительными неудобствами[10]. В данном случае, однако, министерство, руководясь соображениями чисто политического свойства, не ответило отказом. Ему было известно, что американские китоловы часто посещают Восточно-Сибирское побережье у Берингова моря и далее на север. Здесь было мало представителей русской власти, и поэтому у американцев составилось представление, проникшее в печать, что эта сибирская окраина находится вне ведения русского правительства. По этим соображениям министерству иностранных дел и казалось неудобным отказать правительству Соединенных Штатов Америки в выдаче открытого листа лейтенанту Де-Лонгу; этим самым как бы подтверждалось, что северо-восточная окраина Сибири подчинена России.

Во всяком случае министерство полагало, что главное начальство Восточной Сибири могло бы предупредить местные власти, старшин бродячих жителей Приморской и Якутской областей об американской экспедиции, которая, может быть, появится у берегов Восточной Сибири, разъяснить им, насколько это возможно, исключительно научную цель экспедиции и значение выданного лейтенанту Де-Лонгу открытого листа, служащего главным образом удостоверением его личности, а никак не дающего ему какие-либо исключительные права[11].

8 июля 1879 г. «Жаннета» оставила гавань С.-Франциско. Маршрут экспедиции шел к острову Уналашке, куда «Жаннета» прибыла 2 августа; здесь приняли дополнительный запас угля со шкуны американской торговой компании, а затем отплыли в порт св. Михаила (Аляска). Сюда прибыли 12 августа, ожидали шкуну с съестными припасами, потом их грузили и только 21 августа отплыли в сопровождении упомянутой шкуны в губу св. Лаврентия (Чукотский п. о.), куда прибыли 25 августа.

27 августа «Жаннета» вступила в воды Северного Ледовитого океана.

Теперь оставалось только последнее, что связывало экспедицию с остальным миром: надо было посетить место, где зимовала «Вега», чтобы узнать о ее судьбе.

Согласно инструкции, лейтенант Де-Лонг, если не встретит «Вегу», должен был собрать о ней сведения на месте зимовки и оставить их у постовых чукчей на мысе «Сердце-камень». Сюда должен был зайти пароход «Норденшельд», снаряженный А. М. Сибиряковым для поисков Шведско-Норвежской экспедиции[12].

В указанном месте Де-Лонг действительно оставил донесение. Но пароход «Норденшельд» потерпел крушение у берегов Японии, и доне-

сение, которое одинаково волновало и шведско-норвежское и американское общество, было доставлено тойоном носовых чукчей, Елисеем Ноат, окружному колымскому исправнику в Анюйскую крепостцу в конце марта 1880 г. 19 июля оно было получено генерал-губернатором Восточной Сибири, а затем через министерство иностранных дел переслано в Америку.

В архивных документах имеется копия (русский перевод) донесения[13]: «Мыс «Сердце-камень», 29 августа 1879 г. Этот корабль пристал сюда сегодня в 5 часов с намерением узнать что-нибудь о Шведской научной экспедиции под начальством профессора Норденшельда.

25-го мы прибыли в бухту св. Лаврентия и узнали от жителей, что клипер, который зимовал в бухте Колючинской [14], приходил в бухту св. Лаврентия, где оставался один день и за три месяца до нашего прихода отправился дальше по дороге к Камчатке. Капитан этого судна, моряк с седой бородой, не говорит по-английски; двое офицеров знают этот язык. Между офицерами был один русский, знавший язык чукчей, как свой родной. С этим последним офицером, имя которого было Нордквист[15], жители разговаривали и узнали от него, что корабль шведский и что после зимовки в бухте Колючинской отправляется домой. Мы покинули бухту св. Лаврентия 27 августа, чтобы прибыть сюда, потому, что это то место, где по последним сведениям находился Норденшельд и потому что меня просил Сибиряков (из Петербурга) оставить здесь бумаги на имя капитана Зенгстока, который командует клипером «Норденшельд», в настоящее время находящимся по дороге сюда из Европы. Офицеры и матросы под моей командой все здоровы, и мы надеемся быть завтра у земли Врангеля или бухты Колючинской.

Будьте добры сообщить эти сведения секретарю флота в Вашингтоне, Соединенные Штаты, Америка.

Джордж Де-Лонг».

Таким образом капитан «Жаннеты» и ее экипаж первые узнали о счастливом походе Шведско-Норвежской экспедиции 1878 г. В Колючинскую губу «Жаннета» прибыла 3 сентября. Отсюда ее путь лежал к северному полюсу.

Плавание «Жаннеты» от мыса «Сердце-камень», последующий дрейф, первая и вторая зимовки, открытие островов «Жаннеты» и «Генриеты» и, наконец, гибель судна 13 июня 1881 г. под 77° 15′ с. ш. и 155° в. д., считая от Гринвича, достаточно полно изложены в литературе, посвященной этой экспедиции[16]. Поэтому дальнейшее изложение начнем с момента отхода членов экспедиции от места гибели судна к материку.

Экспедиция оставалась на месте крушения судна 6 дней. В течение этого времени она со льдами двигалась к северо-западу. 17 июня снялись с лагеря и направились к югу, таща за собой собственными силами, частью собаками три лодки (2 куттера и бот) и четверо саней. На месте лагеря был оставлен документ, заключающий точные сведения о плавании «Жаннеты», открытиях, гибели судна и пр. Он был тщательно завернут в каучуковую ткань и заделан в боченок в расчете, что куда-нибудь попадет[17].

Путь к югу был чрезвычайно тяжел: высокие торосы, широкие, преимущественно идущие с запада на восток трещины, местами очень глубокие, часто подтаявший снег преграждали дорогу; постоянная разгрузка и нагрузка саней и частая переправа через полыньи отнимали много времени и доводили до отчаяния. Измученные и обессиленные, вконец промокшие, участники экспедиции добрались до привала. 21 июня в дневнике Де-Лонга отмечено, что ни в какое время года путе-

шествие не представляет здесь таких затруднений, как летом; снег до такой степени мягок, что в нем тонешь, как в воде, а если к этой беде прибавляется еще дождь, то мучения превосходили всякие границы[18].

Эти трудности были бы оправданы, если бы наблюдалось продвижение на юг, к материку; но ледяные поля продолжали дрейфовать к северо-западу, и путь на юг сводился к нулю; по обсервации 25 июня, давшей 77° 42′ с. ш., оказалось даже, что экспедиция находилась на 35 км севернее исходного пункта. Положение становилось серьезным, особенно, если принять во внимание ограниченное количество припасов, взятое с расчетом на 60 дней пути, и недостаток обуви. Результат обсервации Де-Лонг сообщил только Мельвилю и доктору. «Если эту неприятную вещь узнают наши люди, — отмечал Де-Лонг в своем дневнике, — то они, конечно, не лишатся совершенно энергии, но во всяком случае лишатся в значительной степени мужества»[19].

3 июля наблюдения дали 77° 31′ с. ш. и 151° 41′ в. д. Сравнительно с предыдущим своим положением 25 июня, продвинулись к югу на 13 миль под углом 33°3′. Так как по расчету капитана Де-Лонга за это время по льду продвинулись вперед на 12 миль, то казалось, что северо-западное течение совершенно отсутствовало. На самом деле было не так: северные ветры последних трех дней далеко передвинули ледяные поля к югу; эту зависимость движения ледяных полей от господствующих ветров подтвердили и наблюдения Ф. Нансена при его попытке весной 1895 г. достигнуть северного полюса, а также дрейф «Фрама», который не был прямой линией, а ломаной, кривой, делал иногда петли благодаря непостоянству в движении ледяных полей. В последнее время это отмечено дрейфом «Георгия Седова» и «Станцией Северный Полюс».

10 июля обсервация дала 77°8′ 30″ с. ш. и 151° 38′ в д.; таким образом с 30 июня продвинулись к югу почти на 40 км при восточном отклонении в 30°; сумма же всех переходов за это время равнялась только 24 км к юго-западу. Это последнее обстоятельство, — отмечает в своем дневнике Де-Лонг, — еще раз доказывает, как мало можно отвечать здесь за точное выполнение раз предназначенного плана. «Единственное, что мы можем сделать, — это итти все вперед»[20]. Вечером того же дня на юге в тумане показались как будто неясные контуры высокой земли. Вскоре все сомнения исчезли: впереди несомненно была земля. Но только 29 июля достигли ее, после чрезвычайно трудных переходов, длившихся 19 дней. Это был небольшой, как в дальнейшем выяснилось из работ Русской полярной экспедиции[21], остров, не более 40—50 км в окружности, простирающийся с севера на юг до 10 км, с запада на восток — до 13 км и представляющий плоскогорье около 450 м над уровнем моря. По геологическому строению это — продолжение средне-сибирского плоскогорья, сложенного из древнейших осадочных пород (кембрийских), прорезанных извержениями базальта; местами под потоками последнего сохранились флецы бурого угля с остатками древнейшей растительности, именно хвойных. В долинах острова изредка втречаются вымытые кости мамонтов и других четвероногих животных[22].

Капитан Де-Лонг охарактеризовал остров как громадную круто поднимающуюся из воды глыбу базальта, покрытую ледниками; местами из-под них вырывались шумящие, пенящиеся потоки с водопадами; они производили неустанную эрозионную работу и тем самым прорыли глубокие овраги в стенах утесов[23].

Новооткрытый остров был объявлен владениями Соединенных Штатов Америки и в честь Д. Г. Беннетта назван островом Беннетта, а

южный мыс его под 76°38′ с. ш. и 148°20′ в. д., считая от Гринвича, по близости от которого произошла высадка, был назван мысом Эммы в честь жены капитана.

Пребывание экспедиции на острове длилось восемь дней. Это вызывалось, с одной стороны, необходимостью починки лодок, с другой, — отдыхом для экипажа, на котором настаивал доктор Эмблер. За это время сделаны были две небольшие исследовательского характера экскурсии: Денбара с двумя эскимосами вдоль восточного берега острова и лейтенанта Чиппа, обследовавшего южный и западный берега; на западном берегу найдены были выходы бурого угля, собраны окаменелости, образцы горных пород, минералов — аметиста, опала. Запасы провизии были пополнены за счет гнездящихся здесь в большом количестве чаек, глупышей и прочих птиц, которых матросы били просто камнями и палками; от выстрела поднимались несметные стаи, так что делалось темно среди дня. В долине у светлого, холодного ручья был собран большой запас «скорбутной травы». 6 августа покинули остров Беннетта. Здесь на мысе Эммы была оставлена записка, сообщающая о судьбе судна, открытиях, следовании экипажа к материку, состоянии здоровья и пр. Отмечалось, что движение вперед задерживается западными ветрами, туманом, изморозью и снегом. На юге видно много чистой воды[24].

С каждым днем ледяные поля дробились все больше и больше. Наконец, открылась возможность предпринять уже путешествие на лодках. Да и обстоятельства складывались так, что рассчитывать приходилось только на пловучие средства: из 23 собак 11 пришлось пристрелить ввиду их жалкого состояния, из остальных 12 по недосмотру разбежалось 10.

Плыли медленно, с остановками; благодаря ветру и течению каналы в ледяных полях или изменялись в ширине и направлении, или исчезали при смыкании ледяных полей, так что приходилось вытаскивать лодки, перегружать имущество на сани, тянуть их на лямке до нового подходящего по направлению канала, снова перегружать и т. д.

13 августа был сделан подсчет имеющегося на руках продовольствия.

Оказалось:

65	фунтов	хлеба (четырехдневный запас)
43½	»	ветчины
74½	»	чаю (запас на 36 дней)
14¼	»	поросячьих ножек
24	»	мясного экстракта (запас на 23 дня)
46	»	сахару (запас на 11 дней)
18½	»	кофе (запас на 9 дней)
20	»	бычьих языков
1600	»	пемикану (запас на 38 дней)
53	галона	спирту (запас на 26 дней)
5	галонов	лимонного соку (запас на 20 дней)[25].

До 20 августа продолжали продвигаться вполне благополучно, но в этот день лодки были затерты и в течение десяти дней медленно двигались со льдом по направлению к северному берегу острова Фаддеевского, одного из группы Ново-Сибирских островов. Учитывая всякие непредвиденные случайности, Де-Лонг считал своим долгом поставить в известность Чиппа и Мельвиля относительно планов на будущее; вместе с тем он дал также общие словесные указания относительно их

шлюпок, провизии и пр. Приказывая им во всех случаях держаться близко от себя, он полагал, что исчерпывает этим все, так как вблизи от него они не нуждались в приказаниях на будущее. Если бы по несчастной случайности пришлось разделиться и вследствие этого действовать самостоятельно, они должны были бы без промедления следовать к устьям Лены и не ожидать ни его, ни один другого[26].

30 августа после полудня лед несколько разошелся, и было возможно продолжать путь. В продолжение всей ночи с 30 на 31 августа экспедиция, втащив лодки на маленькую ледяную глыбу, быстро неслась по Благовещенскому проливу, разделяющему острова Новая Сибирь и Фаддеевский, на юг; 31 августа объехали юго-восточную часть острова Фаддеевского и пристали к южной части, где и раскинули лагерь. Утром 1 сентября двинулись в путь на запад по совершенно свободной воде.

Де-Лонг избрал путь к материку, не кратчайший, вдоль обоих Ляховских островов к Святому Носу, а к Ленской дельте, где он надеялся скорее встретить жилье. По имевшимся в распоряжении экспедиции данным, долина р. Лены была густо населена, а по самой реке курсировали пароходы[27]. Соответственно этому экспедиция пошла западнее, обходя песчаную банку, расположенную между островами Фаддеевским и Котельным. К южному берегу последнего пристали 5 сентября, борясь все время с плавающими ледяными полями, через которые приходилось перетаскивать лодки. Здесь экспедиция имела 36-часовое пребывание для отдыха, исправления лодок и пополнения запасов провизии. Охота, однако, не была удачна; везде были видны следы оленей, но найти зверя нигде не удавалось; пришлось пополнить запасы только птицей. Флору островов Котельного и Фаддеевского Ньюкомб нашел вполне схожей с флорой острова Беннетта.

7 сентября покинули остров Котельный. Вскоре опять образовались значительные щели в лодках из-за перетаскиваний через ледяные поля, это вынуждало к частым остановкам и починкам, и лишь 9 сентября экспедиция прошла остров Столбовый и вечером того же дня пристала к северной оконечности острова Семеновского.

На другой день продолжали путь вдоль восточного берега острова Семеновского. Были замечены на берегу следы оленей. Де-Лонг приказал пристать, еще раз попытать счастье в охоте. Действительно, после долгой ходьбы по узкому острову удалось убить одного оленя. Так как весь отряд долгое время состоял на половинном пайке, а усиленный марш при плохой погоде обессилил людей, то успех в охоте чрезвычайно обрадовал всех. Команда просила разрешения перед началом плавания по открытой воде океана к дельте Лены подкрепиться усиленным питанием, чтобы собрать силы для быстрейшего прохождения пути; протестовал только один Мельвиль, желая как можно скорей двинуться в путь. На острове Семеновском под гурием была оставлена в жестяной коробке записка, где кратко излагалась история путешествия и сделанные открытия[28]. После 36-часового отдыха 12 сентября экспедиция двинулась дальше, имея направление на юго-запад к мысу Баркину стану.

Разместились в лодках следующим образом: на первом куттере находилось 14 человек — капитан Де-Лонг, доктор Эмблер, Коллинс, НинДеман, Норос, Эриксон, Катч, Дресслер, Герц, Ли, Иверсон, Бойд, Алексей, Ах-Сам; на втором — 8 человек — лейтенант Чипп, Денбар, Свитман, Варрен, Джонсон, Стар, Шивель, Кюнер; на боте — 11 человек — инженер Мельвиль, лейтенант Доненгойер, Коль, Бартлет, Ньюкомб, Ли, Лаудербах, Вильсон, Мансон, Анигвен, Тон-Син.

Свежий северо-восточный ветер сначала способствовал плаванию и быстро гнал лодки экспедиции на юго-запад, но вскоре, усиливаясь, ветер стал менять направление к северу, затем к северо-западу. Поднялось большое волнение. В боте открылась течь. Пришлось пристать к льдине, втащить лодку и заняться починкой; не теряя времени, приготовили и обед. Это был последний привал экспедиции в полном составе.

Северо-западный ветер все крепчал и крепчал, волнение усиливалось, к вечеру бушевал уже сильный шторм.

В 50 милях, северо-восточнее дельты р. Лены, в темноте лодки потеряли друг друга из вида. На рассвете, 13 сентября, со второго куттера, которым командовал Мельвиль, уже не видно было двух других шлюпок. Мельвиль, полагая, что шторм отнес их далее на восток, принял для дальнейшего пути западное направление, намереваясь выйти к Баркину стану. После 25-часового пути, который путешественники преодолели с трудом, 14 сентября бот ткнулся килем в твердый грунт, но земли не было видно. Погода не позволяла произвести обсервацию, и поэтому все находились в полнейшем неведении относительно своего местоположения.

После долгих блужданий по отмелым местам 16 сентября показалась земля, но прибой не давал возможности пристать. Вместо того, чтобы следовать теперь вдоль берега на юг к Быковской протоке, которой еще в 1879 г. воспользовалась «Лена» А. М. Сибирякова, Мельвиль взял курс на север, надеясь достигнуть мыса Баркина стана и здесь опять соединиться с Де-Лонгом.

После долгого плавания достигли устья одного из рукавов Лены; это было узнано по увеличившейся сразу глубине. Так как направление рукава согласовывалось в общих чертах с картой, то было решено предпринять плавание вверх по рукаву, ибо полагали, что достигли самого южного из них. Берега по обеим сторонам были низменны, так что на шлюпке можно было к ним подойти не ближе, как на одну милю; только к заходу солнца удалось, наконец, произвести высадку вблизи одного летнего балагана, который после 108 часов плавания на лодке, полных страдания и лишений, утомленным и промокшим людям представлялся желанным приютом.

С большой осторожностью следовали вверх теперь уже по мелководному рукаву в напряженных поисках человеческого жилья. Наконец, 20 сентября неожиданно наткнулись на трех якутов, которые сначала обратились в бегство от неожиданных гостей, но вскоре оказались доверчивей и голодным совершенно истощенным людям радушно предоставили пищу и кров.

Урочище, где произошла встреча Мельвиля с якутами, носит название Бор-хая. В 1883 г. его посетил доктор А. Бунге, один из участников экспедиции Русского географического общества к устьям р. Лены для устройства Русской полярной станции. Оно находится под 72°26′30″ с. ш. и 126° 41′20″ в. д., считая от Гринвича [29]. Три упомянутых выше якута были рыбопромышленниками 2-го Харыгинского наслега Максим Степанов («Хараный»), 2-го Батулинского наслега Афанасий Бобровский («Кулгах») и ссыльный того же наслега Федор Зырянов [30].

Надзиратель Жиганского улуса, пятидесятник Байчиев, доносил по этому поводу 25 октября верхоянскому окружному исправнику, что старшина 2-го Батулинского поселка Жиганского улуса Николай Дьяконов и поселенец Кузьма Еремеев заявили ему нижеследующее: 26 сентября тремя якутами названного поселка в урочище Бор-хая к северу от мыса Быкова был найден баркас с 11 неизвестными людьми —

иностранцами. Из числа их лишь четверо могли ходить и казались здоровыми, остальные семь были очень слабы, с опухшими конечностями, а некоторые лишились уже пальцев. Найденные были доставлены на Быков мыс, и состояние здоровья их в скором времени поправилось. Из пантомимы иностранцев Дьяконов и Еремеев заключили, что люди эти— американцы, лишившись парохода, разместились на трех баркасах и что во время следования к берегу были настигнуты бурей и сильным туманом, вследствие чего два баркаса с 22 путешественниками отделились и уплыли неизвестно куда[31].

Афанасий Бобровский («Кулгах») снабдил иностранцев свежей провизией, в чем они крайне нуждались, одеждой, обувью и доставил затем в их же лодке в селение Зимовьелах на Быковском мысу, населенное инородцами Жиганского улуса и частью Устьленскими крестьянами. В упомянутое селение иностранцы прибыли 26 сентября и поселились в юрте старшины 2-го Батулинского наслега Николая Дьяконова («Шагра»).

Энергичный, толковый и бойкий Кузьма Еремеев произвел на Мельвиля хорошее впечатление. Мельвиль обещал ему 500 руб. и лодку, если он немедленно отправится в Булун с письмом к командиру и привезет оттуда пищу, одежду и оленью упряжку. Однако Еремееву удалось выехать лишь 14 октября, когда встала река. Вернулся он 29 октября, привез письмо от командира и скомканную грязную бумажку, которая была дороже всего остального. Развернув ее, Мельвиль прочитал:

> «Полярный пароход «Жаннета» погиб 13 июля; высадились в Сибири около 25 сентября; необходимо послать помощь капитану и доктору и девяти остальным.
>
> Виллиам Ф. С. Ниндеман, Луи Р. Норос.
>
> Матросы флота Соединенных Штатов поспешите ответом: нуждаемся в пище и одежде».

Это было первое известие о партии капитана Де-Лонга. Оно сильно взволновало Мельвиля. Надо было немедленно организовать помощь, и Мельвиль потребовал, чтобы Еремеев сейчас же вез его в Булун. Но Еремеев отказался, ссылаясь на чрезвычайную усталость собак. Тогда, по настоянию Мельвиля, послали за свежими собаками в соседнее селение за 10 км. Собаки прибыли в Зимовьелах 30 октября. В этот же день Мельвиль выехал в Булун. Остальные были отправлены 1 ноября.

Куттер под начальством Де-Лонга пристал к северной части дельты Лены в устье Осохотского рукава (теперь протока Де-Лонга) около острова Куба-ары. Это место было в 40 км к востоку от острова Сагастырь, где была организована в 1882 г. Русская полярная станция. В 1883 г. место высадки Де-Лонга посетил сотрудник станции А. Г. Эйгнер. Чтобы попасть сюда, ему пришлось сначала выехать в открытое море, обогнуть несколько островов и снова войти в дельту. На месте высадки он нашел следы погибших американцев: на земле валялись пустые коробки от консервов, пачки спичек и пр. и виднелись остатки костров. На месте высадки Де-Лонга А. Г. Эйгнер поставил пирамиду из бревен плавника, к которой прибил доску с надписью (на русском и немецким языках) в память печальной судьбы, постигшей американских мореплавателей[32].

Место высадки, по определению А. Г. Эйгнера, находится под 127°58′28″ с. ш. и 73°16′00″ в. д., считая от Гринвича[33].

На месте высадки партии Де-Лонга в пустом ящике из-под инструментов была оставлена записка, в которой сообщалось о гибели «Жан-

неты» и пр. В конце выражалась уверенность, что они находятся в дельте р. Лены, говорилось, что два дня пытались подойти к берегу или войти в одну из проток, но за мелководьем сделать этого не смогли, бросили шлюпку и $1\frac{1}{2}$ мили до берега шли по воде, неся на себе провиант, снаряжение и пр. «Мы должны, — писал Де-Лонг, — теперь дойти до поселений, ближайшие из которых, я думаю, должны быть на расстоянии 95 миль». Дальше в записке говорилось об удовлетворительном здоровье экипажа, наличии на судне продовольствия и оружия, упоминалось о судовых письмах, бумагах, шерстяных одеялах, палатке и некоторых лекарствах, которые имелись у путешественников. «Итак,— заканчивал Де-Лонг, — наши шансы на окончание кажутся хорошими»[34].

Эта записка так спокойна и сдержанна, что легко можно впасть в ошибку при оценке положения партии и тех трудностей, которые выпали на долю этих людей. От холода, недостатка провизии, а также от чрезмерных трудностей и лишений, которые были испытаны в море, они были в очень плохом состоянии: еле держались на ногах, у многих руки и ноги были отморожены, распухли[35].

Негостеприимно было море, но еще негостеприимнее оказалась суша, к которой так стремились...

А. А. Бунге, сделавший по дельте р. Лены несколько поездок в 1883 г., говорит, что перед глазами проходит всегда одна и та же картина: низкие песчаные острова и несколько выше их торфяные берега от 10 до 20 футов вышиною, готовые каждую минуту обрушиться. С высокого берега открывается вид на бурые тундры с множеством больших и малых озер, местами виднеются песчаные дюны; в этой местности часто попадаются юрты и балаганы, деревянные шесты, на которых вешаются запасы мяса, песцовые ловушки и пр.[36].

Не следует, однако, думать, что какая-нибудь протока, начинаясь у устья Лены, острова Столбового, протекает по дельте и впадает в море; все протоки составляют большую сеть, которая еще более усложняется при высокой воде, так как тогда наполняются русла, обыкновенно сухие. Это какая-то путаница каналов, начала и концы которых невозможно определить, за исключением нескольких больших рукавов. Все эти каналы образуют много островов, каждый из которых имеет название. Потребовалась бы масса времени, чтобы составить точную карту дельты Лены, и при том это было бы вообще бесцельно, так как такая карта оставалась бы верной лишь на короткое время[37].

По такой стране партия Де-Лонга двинулась на юг вдоль восточного берега Осохотского рукава р. Лены. Итти было очень тяжело: когда погода была мягкая, поверхность тундры становилась мокрой и проваливалась под ногами; когда выпадал снег или наступал мороз, итти было тоже трудно: люди скользили на каждом шагу и каждую милю проходили с удвоенным усилием. К тому же путь их был неизвестен: не было полноценной карты этой безлюдной страны; карта, бывшая в их распоряжении, показывала восемь рукавов дельты, но 210 значительных сосчитал только Мельвиль, когда производил свои поиски; бесчисленные малые протоки запутывают путешественника, и это обстоятельство было причиной того, что Де-Лонг и его партия все более и более уходили к востоку, уклоняясь от намеченного пути[38]. За поздним временем жители уже покинули промыслы, и охотничьи избушки (балаганы) были пусты. В них Де-Лонг оставлял записки, указывая направление, по которому он идет. Таким образом можно было установить, что партия прошла балаганы: Белех, Осохтар и Еле-Терде.

Мы не будем останавливаться на последних страницах дневника Де-Лонга, а только напомним, что 9 октября, на 119-й день от начала отхода к материку, были посланы вперед матросы Ниндеман и Норос. В это время партия поддерживала себя только спиртом. Сам Де-Лонг был уже очень слаб. Он мог итти только 10 минут, а затем ложился на землю отдыхать и просил своих спутников не заботиться о нем, а итти вперед, сколько можно.

После ухода Ниндемана и Нороса каждую ночь он приказывал накладывать и зажигать костер до 10 м высотой, в надежде привлечь внимание людей, которые, как уверял он, наверно уже посланы на его поиски.

Партия Де-Лонга погибла от голодной смерти на низменном песчаном острове Боран-белькой. Место, где нашли Де-Лонга и его спутников, в 1883 г. посетил Бунге. Хотя здесь не было видно ничего особенного, — отмечает Бунге,—все же место это произвело на меня потрясающее и тяжелое впечатление. В нескольких шагах от высокого берега находились остатки костра, полуобуглившиеся бревна, а кругом—обожженные одеяла и куски одежды; из золы якуты вырывали сломанные стекла очков и пр. Бунге сфотографировал местность и определил ее координаты: 72°23′30″ с. ш. и 126°51′00″ в. д., считая от Гринвича[39].

Но вернемся к Ниндеману и Норосу, посланным Де-Лонгом 9 октября (28 сентября) вперед в поисках какой-либо помощи.

Они должны были итти форсированным маршем на юг к Кумах-сурту. Для ориентировки Де-Лонг дал им копию карты, которой сам руководствовался, и наметил точку острова Tit Ary, где, полагал он, находилась партия в тот момент. Он ободрял Ниндемана и Нороса, показывая, что им надо пройти только один рукав, не более 12 миль; он надеялся, что это потребует 3—4 дней пути.

Отмеченный Де-Лонгом остров Tit Ary — несомненно остров Тит-ары (тит — лиственница, ары — остров), расположенный против устья реки Тит, ибо одноименных ему на имеющихся в нашем распоряжении картах[40] нет, да, повидимому, и не может быть: остров Тит-ары — предельный пункт распространения к северу лиственницы в долине р. Лены[41]. Но он лежит далеко южнее того места, откуда начали свой путь Ниндеман и Норос и даже южнее на 53 км от острова Боран-белькой, где погибла партия Де-Лонга; остров Тит-ары лежит в долине р. Лены и, если считать, что долина заканчивается у острова Столбового, а далее к северу простирается дельта[42], то остров Тит-ары находится на расстоянии 37 км от острова Столбового вверх по течению. Чтобы достичь острова Тит-ары, надо было миновать высокий далеко выступающий вперед мыс «Крест-хая», или «Кресты» по правому берегу реки, войти в долину реки, правый берег которой образует отроги Хара-улахского хребта, а левый — высокая каменистая тундра водораздела рек Лены и Оленека.

В своем дневнике под датой 5 октября Де-Лонг отмечает, что, по его мнению, он находится на восточной стороне острова Тит-ары, верстах в 35 от Кумах-сурта, а далее, под 7 октября, за два дня до выступления Ниндемана и Нороса, отмечает, что на южном горизонте виднеются горы, т. е. северные отроги Хара-улахского хребта. Если карта, которой располагал Де-Лонг, была неудовлетворительна, вернее, неточна[43], то все-таки приходится удивляться ошибке в ориентировке, какую допустил в данном случае Де-Лонг. И скорее причина здесь не в неточности карты, а в полной, повидимому, неосведомленности его отно-

сительно географии Сибири; несмотря на возможность высадки на Сибирском побережье, Де-Лонг, вероятно, не изучил предварительно хотя бы отдельные районы Сибири, граничащие с Северным Ледовитым океаном.

Может быть, имея в виду близость острова Тит-ары к населенному пункту, Де-Лонг, указывая на остров, как на место нахождения партии, имел в виду моральное воздействие на Ниндемана и Нороса, чтобы поднять настроение уходящих, ободрить их? — Ведь не сообщал же он команде, боясь поколебать ее мужество, о том, что, несмотря на упорное движение на юг, к материку, ледяные поля продолжают относить их к северо-западу.

Но страницы дневника слишком искренны и правдивы, и мы не можем предположить это.

Итак, 9 октября Ниндеман и Норос тронулись в путь. Остающиеся пожали им руки и провожали троекратным «ура». «Все они, — рассказывает Ниндеман, — неуклонно надеялись, что мы скоро вернемся и поможем им. Я, с своей стороны, не мог разделить этой надежды: я слишком хорошо знал, что в такое позднее время года мы едва ли встретим людей в селениях; по всем вероятиям, они давно уже успели отправиться на юг» [44].

В день своего выхода Ниндеман и Норос шли вдоль берега протоки на запад, пока не нашли места, где можно было перейти ее. Следуя далее на юг, они пришли к более широкой протоке, еще не замерзшей, и следовали по ней до полудня. Ниндеман неудачно стрелял в куропатку. Около трех часов подошли к другой протоке, текущей на запад, затем перешли ее и, спустя час, подошли к большой плоскодонной лодке, вытащенной на берег.

К этому месту Де-Лонг пришел только 15 октября. Незадолго до темноты Ниндеман неудачно стрелял в оленей. Ночевать остановились в том месте, где к западу образовался большой залив и куда Де-Лонг, спустя неделю, прибыл со своей партией. 10 октября шли вдоль берега на запад и юго-запад. Был свежий ветер, иногда шел снег. К концу дня шли на северо-запад и запад.

11 октября шли на юг до полудня. Разбилась бутылка, спирт вытек. Перешли через реку и нашли убежище в балагане. Здесь провели целые сутки.

13 октября шли к югу и востоку. Ниндеман прошел тот пункт («Американская гора»), где он позже хоронил своего командира. После полудня заметили балаган на левом берегу реки. Отправились к нему. В балагане в ящике нашли две рыбы и две рыбьи головы. Поели, обогрелись, обсушились и спали до утра. Когда на утро вышли, дул южный ветер; они сочли невозможным итти, вернулись в балаган и оставались там еще сутки. Они были уверены, что находятся в Кумах-сурте[45].

15 октября шли вдоль берега реки к югу и востоку. Встречались следы туземцев. Опять шли против очень сильного ветра. Около 5 часов пополудни сделали привал, но ветер так усилился, что им пришлось искать защиты, и они вернулись обратно.

16 октября ветер стих. Выпили ивового чаю с тюленьей кожей и пошли к югу и востоку. Ветер опять усилился. Начали беспокоиться, ибо не видали реки и потому пошли обратно на запад.

17 октября шли по берегу реки на юг.

18 октября вышли на рассвете по направлению к югу. Нашли балаган, без двери, занесенный снегом. Выгребли снег из балагана, разложили огонь, выпили ивового чаю и легли спать. Не имея настоящей защи-

ты в течение нескольких дней, они с полным комфортом проспали всю ночь.

19 октября шли по направлению к югу. Пришли к трем балаганам, расположенным на левом берегу реки. Это было урочище Булькур[46]. В одном балагане они нашли местную лодку с рыболовными снастями и другие предметы. В лодке что-то лежало. Норос попробовал, было похоже на опилки. Нашли безвкусную рыбу; они взяли ее с собой и пошли к другому балагану, но больше ничего не нашли. Оставались в балагане весь день. У них появилась дизентерия, и силы стали заметно падать. Три дня пробыли они в этом месте, принятом ими за Аякит[47].

21 октября они думали итти дальше, но были так слабы, что отложили до завтра и потратили день на определение количества продовольствия. Они измерили оловянной кружкой рыбу, которая осталась, и решили, что можно расходовать каждому по две полных кружки в день, и тогда ее хватит всего на 10 дней.

22 октября оставались в балагане и чинили обувь. В полдень услышали шум. Ниндеман взял ружье и пошел к двери, но дверь внезапно открылась, и на пороге показался человек. Увидев Ниндемана с ружьем, он упал на колени, простер к нему руки и, видимо, молил пощадить его жизнь. Ниндеман спрятал ружье и предложил ему войти, а в знак дружеского отношения стал угощать рыбой, которую они варили. Затем Ниндеман пошел к саням, в которых он заметил большую оленью доху, и, взяв, принес в балаган, а взамен хотел дать человеку фланелевую рубашку. Но тот покачал головой. Ниндеман показал ему свою обувь. Человек опять пошел к саням и принес оттуда пару оленьих сапог. Матросы старались пояснить ему, что у них еще было несколько товарищей, оставшихся там, далеко на севере. Человек в ответ показал знаками, что он должен итти и что ему необходима его доха, так как очень холодно. Затем принес и отдал матросам оленью шкуру, объясняя, что ему надо ехать, и держал 4 пальца над головой. Рубашку, предложенную Ниндеманом, он взял и уехал вдоль реки на запад. Они полагали, что он вернется через 4 дня[48].

Человек, нашедший Ниндемана и Нороса, был якут Хатыгинского наслега Иван Андросов, случайно приезжавший в урасу[49] и возвращавшийся с другими четырьмя якутами с морских рыболовных промыслов. Он заехал на Булькур посмотреть свое летнее жилище, спутники же его — кандидат по голове — Константин Мухоплев, старосты наслегов Туматского — Алексей Ачкасов, 3-го Хатыгинского — Тарас Савин и якут того же наслега Николай Винокуров («Муна») — остались ждать его на дороге в раскинутом чуме. Вот почему Андросов держал четыре пальца над головой и пояснял, что ему необходимо ехать, чтобы поставить в известность своих товарищей о найденных им людях.

Около 6 часов в тот же день, когда матросы ели свою рыбную похлебку, приехал за ними Андросов с двумя своими товарищами. Он привез им дохи и сапоги из оленьих шкур и значительное количество мороженой рыбы, которую матросы с радостью сейчас же стали уничтожать. Между тем, Андросов складывал их вещи на сани. Наконец, они отправились в путь, и, проехав верст 20, остановились у двух юрт. Якуты сейчас же занялись матросами, вымыли им лица и руки. «Большой котел с олениной стоял на огне, — рассказывает Норос, — и скоро нам было предложено, при помощи дружеских жестов и знаков, принять участие в общей трапезе. Утолив свой голод, мы должны были попробовать и чаю; затем на пол разостлали несколько оленьих шкур, и все улеглись спать. То была первая покойная ночь, проведенная нами со

времени оставления капитана». Андросов привез Ниндемана и Нороса на стойбище тунгусов, направляющихся из мест летнего своего пребывания в Кумах-сурт, куда матросы с ними прибыли 24 октября[50]. Отсюда 25 (13) октября Ниндеман и Норос были доставлены в Булун.

Еще дорогой по направлению в Кумах-сурт они пытались поставить в известность туземцев относительно оставшихся в дельте Лены товарищей, но их не понимали, а они, увы, не находили способа объяснить своим спасителям, что еще необходима немедленная помощь с их стороны для спасения остальных.

Передвигаясь с тунгусами 24 (12) октября в виду острова Столбового, Ниндеман и Норос не смогли воспользоваться случаем спасти товарищей и, наконец, прибыв в Кумах-сурт, еще раз упустили его, мотивируя тем, что «решительно не представлялось ни одной удобной минуты» для того, чтобы навести снова мысли тунгусов на заботивший их вопрос[51].

Прибыв в Булун 25 (13) октября, Ниндеман и Норос объявили, что они были найдены Андросовым через 22 дня после того, как расстались со своей партией. Возможность спасти Де-Лонга и прочих спутников казалось им немыслимой[52]. Из Кумах-сурта Ниндеман пытался отправить телеграмму посланнику Соединенных Штатов Америки в Петербург. Осведомленность, которой однажды он так похвастался, здесь вдруг изменила ему: в 80-х годах прошлого столетия только Иркутск был связан с Петербургом телеграфной линией, расстояние же между Кумах-суртом и г. Якутском — 1716 верст, Якутском и Иркутском — 2599 верст, телеграмма должна была итти с нарочным эстафетно. Сколько же должна была итти телеграмма из Кумах-сурта в Петербург и обратно? Можно ли было ожидать, если не немедленной, то во всяком случае скорой помощи?.. Повидимому, и сам автор телеграммы не ожидал от этой попытки ничего «путного»[54]. Но она, случайно, все-таки восстановила связь между матросами и Мельвилем, так как попала 28 (16) октября в руки русского ссыльного Кузьмы Еремеева, которого Ниндеман принял за «начальство». Еремеев сообразил, что все иностранцы должны быть с одного судна и поэтому немедленно доставил телеграмму Мельвилю. Здесь надо заметить, что Ниндеман и Норос были найдены Андросовым не через 22 дня после того, как они расстались с Де-Лонгом, а всего только через 13 (9 октября — 22 октября).

Мы не отнимаем от Ниндемана и Нороса мужества, стойкости в страданиях, но и не видим в них героев, не видим в них людей самоотверженных, для которых спасение своих товарищей есть спасение своей совести, спасение своей чести, своей жизни. Де-Лонг в них обманулся, обманулась и вся оставшаяся партия, которая возлагала на них все свои надежды на спасение и провожала троекратным «ура».

У. Гильдер в своем описании путешествия в Сибирь для поисков экспедиции капитана Де-Лонга, не раз уже нами цитированном, Ниндеману и Норосу посвятил целую главу. Как сочувственно ни описывает их положение автор, как ни извиняет их промах, — отсутствие проявления ими энергии, распорядительности, силы воли в тот момент, когда была поставлена ставка на жизнь оставшихся товарищей, есть факт. Конечно, кто будет возражать против того, что трудно объясняться с народом, не зная его языка. Трудно, но возможно. В невозможности столковаться с тунгусами мы полагаем, виноваты сами матросы, которые своими длинными объяснениями, излишними подробностями, наконец, злоупотреблением демонстративного метода только затемнили суть дела, а может быть, и совсем сбили с толку своих спасителей.

Тот, кто сталкивался с якутам и тунгусами, знает, как удивительно восприимчив и сметлив тот и другой народ; нам нет нужды приводить в подтверждение этому выдержки из сочинений Миддендорфа, Маака, Чекановского, Бунге и др. Е. Ф. Скворцов говорит, что в тунгусах и якутах есть что-то благородное: помочь и выручить из беды они готовы всегда и не надеясь на вознаграждение[55]. Конечно, нет правил без исключения. Но, ведь, и не всегда же с «исключениями» имели дело Ниндеман и Норос?.. Они слишком много употребляли «слов» и абсолютно не проявляли «дела». Вот в чем была их ошибка, стоившая жизни двенадцати человекам.

Все пространное повествование их о своих странствованиях, изображение страданий телесных и нравственных могут вызвать сочувствие слушателя, но факт остается фактом: могли спасти, но не спасли.

Прежде чем отправиться на поиски, Мельвиль тщательно записал все указания, которые сделали ему Ниндеман и Норос, изучил их путь так точно, как это только позволяла карта, до того места, где высадился Де-Лонг. Мельвиль располагал двумя собачьими упряжками, провиантом на 10 дней, состоящим из рыбы; в качестве проводников имел двух местных жителей. Еще до ночи 3 ноября (23 октября) он достиг Кумах-сурта, на следующий день прибыл в урочище Булькур, но здесь вынужден был пробыть до утра 8 ноября (28 октября) из-за сильной бури, не безопасной для путешествия. В этот же день он нашел место, где матросы сожгли сани вместо дров. 9 ноября (29 октября) прибыл на место под названием «Два креста» и на ночь остановился в том балагане, где матросы провели ночь с 11 на 12 и весь день. Ниндеман и Норос забыли сказать Мельвилю об этом балагане, и, когда один из якутов нашел здесь пояс с пряжкой, которая несомненно была сделана в кузнице «Жаннеты», Мельвиль полагал, что он напал уже на верный след пребывания здесь партии; только по возвращении в Булун выяснилась эта ошибка: пояс оставили в балагане матросы Ниндеман и Норос. Введенный в заблуждение находкой, Мельвиль решил немедленно начать свои поиски по левому берегу рукава[56].

Но утром 10 ноября проводники заявили ему, что провизия на исходе и они должны возвращаться, так как здесь, в безлюдном месте, нет никакой еды ни для них, ни для собак. Но поиски надо было продолжать во что бы то ни стало, и Мельвиль на это решился, несмотря на энергичные протесты и мольбы якутов, доказывавших, что дальнейшее путешествие с остатками провизии при наступивших страшных морозах всем им угрожает смертью. Когда якуты категорически отказались, Мельвиль выхватил палку из рук ямщика, служившую для управления собаками, и ударил его, после чего якуты бросились бежать. Боясь, что они совсем покинут его на произвол судьбы, он схватил свою винтовку и выстрелил им вслед, чтобы напугать. Когда пуля просвистела над их головами, они упали на колени, стали креститься и низко кланяться.

Мельвиль велел им приблизиться, вновь заряжая винтовку и держа палку в руке; снова якуты стали доказывать ему смертельную опасность и бесцельность дальнейшего пути, убеждали его, что весной, когда сойдет снег, легче будет найти тела погибших товарищей. Узнав от якутов, что до ближайшего населенного пункта остается еще 250 км, Мельвиль приказал им вновь немедленно ехать. Объятые страхом, они повиновались.

Но дальнейших следов Ниндемана и Нороса уже нигде не было видно, — очевидно, Мельвиль потерял их.

Переночевав в урочище «Хас-хата», Мельвиль двинулся дальше, несмотря на сильнейшую мятель. Собаки совершенно были истощены и шли почти шагом. 12 ноября достигли жилья. Мельвиль из-за опухоли ног и утомления на четвереньках пополз к юрте к величайшему изумлению выбежавших навстречу якутов, которые помогли ему подняться на ноги и войти в юрту. Здесь ему вручили записку Де-Лонга, найденную в одной из покинутых юрт в 50 верстах к востоку от Северного Булуна. С жадностью развернул ее Мельвиль и прочитал:

«Полярная экспедиция парохода «Жаннета». Юрта в устьях реки Лены, четверг 22 сентября 1881 г.

Всякий, кто найдет эту бумагу, пусть перешлет ее морскому министру, с указанием времени и места, в котором он ее нашел».

Затем шло краткое описание плавания и гибели «Жаннеты», прохождения к материку через ледяные поля, бури, разъединившей шлюпки, и высадке в дельте р. Лены. Заканчивалась бумага следующими строками:

«В понедельник, 19 сентября, мы сложили на берегу в кучу наш багаж, воткнув на это место высокий шест; здесь находятся морские приборы, хронометр и пр. вещи, которые мы были совершенно не в состоянии нести дальше. Мы продвинулись только на 18 км в течение двух суток вследствие нашего истощения; поэтому я послал вперед Ниндемана и Нороса искать помощи для нас. Вчера только мы застрелили двух оленей, так что в настоящее время обеспечены пищей. Мы уже испытали столько лишений, что не страшимся будущего. Как только наши больные три товарища смогут ходить, мы возобновим наши поиски каких-либо жителей по берегу Лены.

Субота, 24 сентября. Наши три товарища уже выздоровели, и мы отправляемся дальше, имея запас провизии на 4 дня и три фунта чая. Джордж В. Д-Лонг, командир».

Здесь Мельвиль получил и вторую записку, оставленную Де-Лонгом в урасе немного южнее.

«Юрта в устье Лены. 18 верст от конца дельты.
Понедельник, 26 сентября 1881 г.

14 офицеров и матросов полярного парохода Соединенных Штатов «Жаннета» достигли вчера этого места и сегодня утром отправляются дальше. Более подробные сведения будут найдены в жестяном ящике, который будет оставлен в одной из юрт верстах в 25 дальше вверх по течению правого берега более широкого рукава».

Следовали именные подписи всех четырнадцати с Де-Лонгом во главе.

Числа 15—16 ноября Мельвилю доставили еще одну, третью, записку и винтовку, найденные в пустой урасе, расположенной в 90 верстах южнее предыдущей. Записка помечена 1 октября.

Обрадованный этими подробными и успокаивающими известиями, Мельвиль решил немедленно отправиться на поиски, намереваясь найти товарищей во что бы то ни стало, живыми или мертвыми.

Выехав 17 ноября на север в нартах, запряженных свежими и сильными собаками, он через два дня достиг берега океана и нашел там описанный в записке Де-Лонга высокий шест и под ним сложенные вещи, к величайшему удивлению и восторгу якутов.

Затем Мельвиль направился в Северный Булун, чтобы запастись провизией и организовать дальнейшие поиски. Последние велись от упомя-

нутого выше места на юг при чрезвычайно изменчивой и плохой погоде. Следы нарты сохранились на льду разных рукавов дельты, так как ветер смел со льда весь снег, но через несколько дней мучительного пути они исчезли, из чего Мельвилю ясно стало, что где-то он взял неправильное направление. Но он был не из тех людей, которые легко теряют мужество; полузамерзший, истощенный от голода, ползущий на четвереньках, питаясь на ночлегах исключительно брошенными остатками гнилой вонючей рыбы и оленьими костями, из которых приходилось варить себе вонючее «хлебово», Мельвиль среди непрекращающейся ужаснейшей пурги, леденящей кровь и грозящей людям и собакам ежеминутной гибелью, еще 5 дней боролся со стихией, холодом и голодом, стараясь вновь напасть на следы партии.

Но все усилия были тщетны; в довершение всех бед из-за ужасной пищи, состоящей из вонючих отбросов, которыми в обычное время побрезговала бы всякая собака, Мельвиль получил сильнейшую дизентерию. Поэтому пришлось оставить поиски. И Мельвиль совершенно правильно рассуждал в этот момент, что если партии до сих пор не посчастливилось встретиться с кем-либо из туземцев, то она уже, конечно, погибла и нечего торопиться с розысками их трупов ценой собственной жизни; если же встреча с туземцами партии удалась, то она уже спасена и сама доберется до Верхоянска. После мучительного десятидневного пути в сильнейшую пургу и жестокий мороз Мельвиль, наконец, 27 ноября вернулся в Булун, полумертвый от истощения и перенесенных мучений; Мельвиль установил, что во время своих первых поисков сделал 663 мили, или около 1237 км.

По тем же соображениям приходилось отказаться от поисков третьей партии лейтенанта Чиппа, о которой Мельвиль ничего еще не знал.

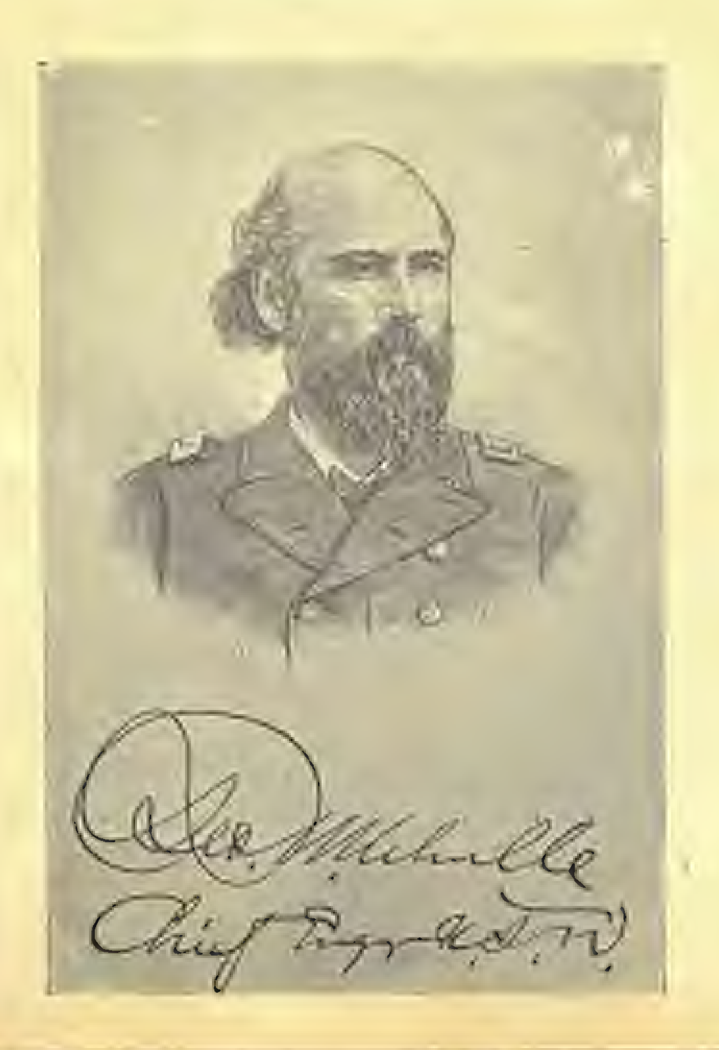
Еще до получения в Верхоянске донесения пятидесятника Байчиева о высадке партии Мельвиля предполагалось отправить в Булун по административным делам помощника исправника Ипатьева. Донесение заставило отправиться Ипатьева немедленно в Булун, а отсюда к мысу Быкову для оказания содействия в розысках погибающих путешественников, доставлении оставшимся в живых возможных удобств и дальнейшему продвижению их в Верхоянск и Якутск.

Для оказания медицинской помощи был командирован фельдшер с необходимыми медикаментами [57].

В Булун Ипатьев прибыл 19 ноября. Ко времени его приезда здесь было лишь 6 матросов, так как лейтенант Доненгойер и 5 человек матросов были уже отправлены в Верхоянск до его прибытия. Находящихся в Булуне матросов Ипатьев нашел здоровыми.

Так как о Мельвиле и о других, не разысканных еще одиннадцати иностранцах со дня выезда Мельвиля на поиски по день приезда Ипатьева в Булун здесь не было никаких сведений, то Ипатьев счел необходимым в тот же день ехать на Быковский мыс и прибыл туда 21 ноября. Здесь Ипатьев не нашел Мельвиля и отправился дальше на север, через урочище Вар-хая в Тумадский наслег [58]. 25 ноября он достиг селения Кытах в северо-западной части дельты и узнал, что Мельвиль после продолжительных поисков уехал обратно в Булун, перед самым его приездом в Кытах, что поиски Мельвиль продолжал до начала декабря, но товарищей не нашел.

Убедившись из объяснений якутов, что найти потерявшихся иностранцев живыми не оставалось уже более никакой надежды, в чем не сомневался в это время, по словам якутов, уже и сам Мельвиль, Ипатьев выехал по р. Лене в Булун [59].

Паровое судно «Жаннетта». Отплытие из Сан-Франциско.

Проезд из г. Иркутска останков капитана Де-Лонга и его товарищей. 1883 г.

Мельвиль прибыл в Булун за два дня до возвращения Ипатьева. Со стороны Доненгойера из селения Зимовьелах тоже предприняты были поиски. Узнав из разговоров с туземцами, что мыс Баркин стан находится в 40—50 верстах от селения, он пытался достичь этого мыса, чтобы узнать что-нибудь о других шлюпках. Однако трудности путешествия в это время года и по суше и водой, а также трудности общения с туземцами принудили его вернуться в Зимовьелах, не выполнив задуманного предприятия [60].

Из Булуна Мельвиль, благодаря содействию помощника исправника Ипатьева на свежих оленях выехал в Верхоянск и 900 верст, отделяющие эти два пункта, проехал за 5 дней при 50° морозе, делая лишь краткие остановки для чаепития или обеда, и вечером 6 декабря прибыл в Верхоянск.

Здесь он составил подробную письменную инструкцию по поискам, которую перевел с английского на русский язык политический ссыльный С. Е. Лион. Инструкция была вручена Ипатьеву; он немедленно выслал ее в Булун командиру Бишофу с приказанием продолжать поиски партии Де-Лонга и Чиппа; копия инструкции была послана якутскому губернатору Черняеву.

Из Верхоянска Мельвиль направился в Якутск, куда прибыл 30 декабря. Отсюда он вошел в сношения со своим правительством и представителями Соединенных Штатов в Петербурге. Доненгойер с несколькими матросами (один из них, Д. Коль, не вынес всех злоключений и сошел с ума) на 2 недели ранее его прибыл в Якутск, а Бартлет с остальными — 3 января 1882 г.

Для дальнейших поисков Мельвиль оставил только Ниндемана и Бартлета. Остальные 9 человек под командой Доненгойера были направлены в Иркутск, а отсюда к Атлантическому побережью для возвращения в Америку.

Русское правительство, в лице министра внутренних дел графа Игнатьева, как видно из документов, было очень заинтересовано в поисках и спасении экипажа «Жаннеты». В телеграмме 20 (8) декабря 1881 г. министр разрешил председательствующему в Главном управлении Восточной Сибири издержать до шести тысяч на спасение экипажа «Жаннеты», предложил не задерживать телеграмм членов экипажа за границу и отправлять их без предварительной оплаты.

Якутскому гражданскому губернатору предписывалось принять самые энергичные меры для розыска и спасения людей с погибшего судна, не стесняясь издержками на это предприятие: оказывать спасенным максимальную помощь, проявлять участие по отношению к ним, направляя их в Якутск и в Иркутск, ставить министерство внутренних дел в известность обо всем без малейшего промедления. 22 октября и 23 (11) декабря телеграммами через министерство внутренних дел было переведено от Д. Г. Беннетта шесть тысяч рублей и вместе с тем извещалось, что он обязуется уплатить все расходы, какие потребуются для розыска и спасения неразысканной части экипажа; еще раз подтверждалось указание о принятии самых энергичных мер [61].

23 (11) декабря генерал-губернатор Восточной Сибири из Петербурга направил распоряжение Главному управлению об отпуске якутскому губернатору еще шести тысяч рублей для снаряжения экспедиции по розыску ненайденных шлюпок и остальных людей экипажа, где-либо высадившихся на побережье Северного Ледовитого океана в пределах Якутской области. Во главе поисковой экспедиции генерал-губернатор предлагал поставить охотника — казачьего офицера или кого-ни-

будь из якутов. Он требовал приложения всех усилий к спасению людей, а если необходимо, разрешал израсходовать более двенадцати тысяч рублей, взяв сколько можно взаимообразно из сумм, состоящих в распоряжении якутского губернатора. Людей, прибывающих в Якутск, по распоряжению губернатора, по их выздоровлении следовало немедленно отправлять в Иркутск, обеспечив их максимальными удобствами [62].

Главное управление, получив эту телеграмму, предложило якутскому губернатору немедленно снарядить поисковую экспедицию, которая должна быть составлена из людей отважных и испытанных в подобных предприятиях, способных на полное самоотвержение, настойчивость, людей, которые поставили бы себе целью во что бы то ни стало разыскать погибающих, спасти их и доставить в Якутск [63]. По мнению Главного управления, экспедиция должна была быть организована в личном составе так, чтобы в случае надобности можно было ее разделить на два, даже на три отдельных отряда, так как место нахождения одной из лодок осталось еще совершенно неизвестным и для розыска находившихся в ней людей должны быть произведены самые тщательные поиски по всему побережью и близлежащим островам; экспедиция должна быть обеспечена денежными средствами или ценными для того края предметами, съестными припасами, теплой одеждой, медикаментами и вообще всем необходимым в таком количестве, чтобы всего было достаточно для оказания помощи найденным людям, спасения их от гибели и доставления в Якутск.

Независимо от этого Главное управление предложило якутскому губернатору оповестить всех прибрежных жителей, чтобы они также употребили все усилия к розыску иностранцев и при первых же слухах о нахождении где-либо людей экипажа «Жаннеты» оказывали им немедленную помощь, относились с полнейшим участием, организовали внимательный уход и переезд их в населенные пункты, а оттуда — в Якутск; инородцы при этом должны быть предупреждены, что, в случае пренебрежения с их стороны по оказанию помощи и за малейшее насилие над иностранцами тем более, они будут подвергнуты строгой ответственности; напротив, все оказанные туземцами услуги должны быть оплачены, а отличившиеся будут представлены правительству к награде [64].

Главное управление, имея в виду возможность высадки экипажа третьей лодки в пределах Енисейской губернии, поставило в известность об этом енисейского губернатора, с аналогичными указаниями по поводу привлечения местных жителей к поискам и оказанию помощи спасенным, переезду их в жилые места и далее в г. Красноярск [65].

2 января 1882 г. (21 декабря 1881 г.) Мельвиль и Доненгойер обратились к якутскому губернатору с просьбой выдать им средства для выезда в г. Иркутск с одиннадцатью матросами из их команды. Просьба была немедленно исполнена, и 3 января 1882 г. (22 декабря 1881 г.) они получили на расходы 5 тысяч руб. из запасного капитала, что вместе с выданными ранее составило 5600 руб. При этом не были учтены, за неполучением счетов, расходы за все время до прибытия экипажа в г. Якутск. Эти расходы составляли приблизительно 2 тыс. руб. Из г. Якутска предполагали выехать двумя партиями: первая во главе с лейтенантом Доненгойером в конце декабря или начале января, вторая под руководством инженера Мельвиля по получении ответных телеграмм и распоряжений из Вашингтона.

Ответ из Вашингтона пришел раньше, чем его ждали; 4 января (23 декабря) инженер Мельвиль поставил в известность якутского губернатора, что, согласно полученной телеграмме, ему разрешалось выполнить его

личное желание итти в Ленскую дельту на поиски отсутствующих товарищей. В связи с этим он наметил следующий план действий: лейтенант Доненгойер с десятью матросами выедет 8 января (27 декабря) из Якутска в г. Иркутск, сам Мельвиль вместе с двумя матросами и приглашенным им норвежцем Гренбеком, бывшим в последнее время капитаном парохода «Лена», отправится в конце декабря или начале января в Ленскую дельту на поиски [66].

Якутский губернатор распорядился: 1) верхоянскому окружному исправнику отправиться вместе с Мельвилем в с. Булун, а в случае нужды и дальше на север и, по согласованию с Мельвилем числа и размера поисковых партий, составить их из надежных людей из соседних к месту розысков промышленников, тунгусов и якутов, с нартами, собаками, или оленями, а для лета — и лодками; 2) для руководства людьми в качестве переводчика с тунгусского и якутского языков на русский, а также для хранения запасов экспедиции откомандировать в распоряжение Мельвиля урядника Петра Калинкина; 3) в качестве переводчика немецкого языка (среди матросов экспедиции был один немец) назначить в распоряжение Мельвиля канцелярского служителя Константина Бобохова, который вполне может, по поручению инженера Мельвиля, заведывать и отдельной партией; 4) полное снаряжение экспедиции провести по согласованию с Мельвилем, обеспечив партию продовольственными запасами и материалами, заготовленными в Якутске и в селении Булуне, а также предоставить в полное распоряжение Мельвиля на срок шесть месяцев, т. е. до 1 июля 1882 г., соответствующие денежные суммы.

Таким образом русская администрация оказала Мельвилю широкое содействие и максимальную помощь в организации поисков экипажа «Жаннеты». В случае необходимости увеличить эту помощь продовольствием, материалами и людьми, по требованию Мельвиля, якутский губернатор готов был направить дополнительные запасы в его распоряжение сплавом и выслать необходимое количество людей в марте. Благодаря этому исключалась вместе с тем надобность в снаряжении особой поисковой партии русским правительством. Якутский губернатор для расширения и ускорения поисков намеревался также использовать зимовавший в то время в Якутске пароход «Лена», который пришел в 1879 г. в составе шведско-норвежской экспедиции проф. Норденшельда. Этот пароход с открытием навигации в дельте р. Лены можно было направить в распоряжение Мельвиля.

По этому поводу генерал-губернатор Восточной Сибири снесся с иркутским купцом Шмотиным, который купил этот пароход у А. М. Сибирякова. Со Шмотиным вел переговоры и Мельвиль [67].

В задание русской администрации на далекой северной окраине Сибири входило, как упомянуто было выше, привлечение к поискам туземного населения. Среди населения была проведена по этому поводу широкая информация через местную администрацию и особые объявления.

В архивных документах найдена копия объявления, которое было расклеено в г. Якутске 21 декабря 1881 г. [68]. Текст объявления таков.

«Объявление

В июне месяце настоящего года американский пароход «Жаннета», затертый льдом, погиб севернее Котельного острова в Ледовитом океане. Бывшие на нем люди, в числе 27 человек, отправились сначала по льду, а потом морем в трех лодках к р. Лене. Из них 13 человек спаслись, а остальные 14 с командиром Де-Лон-

гом, разобщенные бурей и туманом, не были разысканы еще до 4 ноября, а потому в общую известность и исполнение побережным Ледовитого моря жителям постановляю:

1. Если бы где оказались люди с парохода «Жаннеты», оказывать им радушный прием и содействие в их нуждах.

2. В случае находки трупов погибших иностранцев оградить их от зверей и дать знать в полицию для предания их земле по христианскому обряду.

3. Если бы теперь или в летнее время оказались где-либо остатки от парохода «Жаннеты», или лодки, или какие вещи, то сохранить их и известить свои полицейские управления для сделания законных распоряжений.

г. Якутск 21 декабря 1881 г.

Губернатор *Черняев*»

Такие же объявления опубликованы были в местечках Булун, Быков мыс, Усть-Янск, Русское Устье, Стончиков Яр и других местах, а также в Колымском округе, в поселениях Крестовая, Походск, Нижне-Колымск. Был оповещен по поводу экипажа «Жаннеты» чаунский миссионер [69].

Поисковая экспедиция Мельвиля уехала из Якутска в январе 1882 г. 16 января выехал Ниндеман с канцелярским служителем Бобоховым на трех подводах; 20 января — Бартлет с урядником Калинкиным на восьми подводах с транспортом запасов; 27 января — Мельвиль с Гренбеком на трех подводах; все подводы были снабжены бланковыми билетами по оплате прогонов. На почтовые станции заблаговременно было послано распоряжение приготовить запасных лошадей. Для сопровождения до Верхоянского округа всех трех партий был командирован земский заседатель, а от границы до города Верхоянска поисковую экспедицию сопровождал родовой староста.

Верхоянскому исправнику была поручена заготовка продовольствия (сушеного мяса, солонины, коровьего масла и пр.). Продовольствие было заготовлено для 10 человек на полгода, т. е. до 13 августа, а в июне якутский губернатор должен был выслать запасы еще на три месяца.

В архивах сохранилась ведомость снаряжения продовольствием экспедиции [70]; приводим ее полностью.

«Ведомость запасов для северной экспедиции Г. Мельвиля на 10 человек, на 6 месяцев.

Из г. Якутска

1.	Крупы ячневой	10 п.	10 ф.
2.	Крупчатки	15 »	—
3.	Чаю кирпичного	3 »	11 »
4.	Сахару	5 »	6 »
5.	Табаку черкасского	5 »	6 »
6.	Перцу английского	—	14 »
7.	Горчицы сарептской	—	14 »
8.	Свеч стеариновых	1 »	—
9.	Уксусной кислоты	—	1 » [1]

[1] Остальные 14 фунтов уксусной кислоты по получении из Иркутска вышлют с нарочным.

В запас на обмен

10.	Табаку черкасского	3 п. —
11.	Чаю кирпичного	3 » 24 ф.

Из г. Верхоянска

12.	Сушеного скотского мяса	38 п. 20 ф.
13.	Соленого » »	25 » —
14.	Масла коровьего	9 » 33 ф.
15.	Пороху и свинцу по мере надобности	

Из с. Булуна

16.	Ржаных сухарей	90 п. —
17.	Соли	4 » 27 ф.

Запасы медикаментов на 6—10 человек на полгода получены были в Якутске.

Благодаря предшествующей поездке Мельвиля, нахождению записок, оставленного имущества и т. п. вполне определился тот район, в котором необходимо было производить тщательные поиски отряда лейтенанта Де-Лонга; относительно отряда лейтенанта Чиппа создавалось представление, что его следовало бы искать между Быковским рукавом р. Лены и устьем р. Яны и даже далее на восток. Так как якутский губернатор своими объявлениями уже поставил в известность население побережья о печальной судьбе американской экспедиции и привлек его к поискам, дав соответствующие предписания местным властям, Мельвиль со своей стороны полагал необходимым координировать эту общую работу, поэтому 19 декабря 1881 г. он составил для верхоянского исправника, в административном районе которого должны были происходить розыски, поисковую инструкцию[71].

«Мое желание, — писал в ней инженер Мельвиль, — а также правительства Соединенных Штатов Америки и начальника американских экспедиций состоит в том, чтобы были сделаны прилежные и настоятельные розыски недостающих товарищей с обеих лодок. Де-Лонг и его партия из 12 человек могут быть найдены близ западного берега Лены, на юг от маленькой охотничьей станции, к западу от дома известного между якутами Кузьмы. Они не могли пройти иначе, как на юг к Булькуру. Поэтому живы они или мертвы, они находятся между домом Кузьмы и Булькуром. Я уже путешествовал здесь, но проследовал рекой назад. Поэтому необходимо, чтобы более тщательные поиски были сделаны вверх по реке на короткое расстояние, также и вдоль берега. Я осматривал многие хижины и маленькие дома, но вероятно не все, поэтому необходимо, чтобы все дома, большие и малые, были осмотрены, — нет ли книг, бумаг или людей из партии. Люди без пищи и в скудной одежде естественно заболели бы и укрылись бы в хижинах вдоль линии пути и, ненайденные, могли умереть там. Они оставили бы книги и бумаги в хижине, если бы не в состоянии были нести их далее. Если они несли свои книги и бумаги на юг от той части страны, которая между балаганом Матвея и Булькуром, то их книги и бумаги будут найдены сложенными в кучу и какой-нибудь знак поставлен для привлечения внимания поисковой партии, — деревянная мачта или столб. В случае нахождения книг или бумаг они должны быть посланы американскому посланнику в С.-Петербург. Если они своевременно будут найдены, то они могут быть и посланы мне до выезда моего из России. Трупы я

желаю, чтобы были свезены в центральное место, наиболее доступное от Булуна, положены внутри маленького дома, рядом, до будущего указания. Хижина должна быть непременно заперта и засыпана снегом или землей и оставлена до прибытия из Америки особого лица для дальнейших распоряжений относительно тел. Нужно, чтобы звери не могли достать и попортить тела.

Розыски малой лодки с 8 человеками должны быть сделаны на восток от дельты р. Лены, до устья р. Яны и дальше. По разделению трех лодок никакого известия о малой лодке не было. Но так как все три лодки должны были итти к мысу Баркину, а затем к устью р. Лены, то естественно предположить, что лейтенант Чипп направил свою лодку к м. Баркину, но если по какой-либо причине он не мог найти устья р. Лены, то он продолжал бы путь вдоль берега от м. Баркина к западу, т. е. к северному рукаву р. Лены, или на юг — к восточному входу в устье р. Лены.

Если ему не удалось попасть в р. Лену почему-либо, то он принужден был следовать вдоль берега к р. Яне. Прилежные и постоянные розыски, начавшись в декабре, должны быть продолжаемы, пока люди, книги и бумаги не будут найдены. Внимательное и заботливое исследование той части страны, где Де-Лонг и его партия должны были находиться, следует сделать ранней весной, когда снег начнет таять и прежде, чем начнется весенний разлив. Один или более американских офицеров своевременно будут в Булуне для помощи в розысках. Но упомянутые розыски в этой инструкции должны быть ведены независимо от всяких партий и вполне находиться под контролем компетентной русской власти».

19 (7) апреля якутский губернатор получил от инженера Мельвиля частное письмо с тремя письмами, адресованными американскому морскому министерству, — два на имя лейтенанта Доненгойера, одно на имя Д. Г. Беннетта, — и тремя телеграммами. Из этого первого сообщения якутскому губернатору от 24 (12) марта видно, что Мельвиль 23 (11) марта нашел трупы капитана Де-Лонга и его 9 спутников и что дальнейшие поиски остальных участников экспедиции, бывших с Де-Лонгом, и лейтенанта Чиппа с его матросами[72], продолжаются.

В делах находится копия акта о нахождении трупов Де-Лонга и его товарищей. Приведем ее[73].

АКТ

1882 года марта 23 (11) дня. Начальник экспедиции, составленной для розыскания остального экипажа Американского парохода «Жаннета», погибшего в Ледовитом океане, корабельный инженер майор американской службы в присутствии нижеподписавшихся лиц составили этот акт о нижеследующем, сего числа около второго часу по-полудни. Разыскивая остатки экипажа помянутого выше парохода, прибыл на безымянный песчаный остров, находящийся в Ленском Архипелаге, где усмотрел лежащих группами десять мертвых тел, в которых признал товарищей своих, бывших на пароходе «Жаннеты», именно: капитана Де-Лонга, доктора Эмблера и матросов Коллинса, Ли, Геца, Дресслера, Бойда, Иверсона, Катча и Сама, все они погибли, повидимому, от голода и холода, ни на одном из них не было обуви и только на Де-Лонге и Эмблере была какая-то верхняя одежда, питались они все, как можно заключить из остатков, найденных в котле, мелким тальни-

ком и кожей от обуви. Остров, на котором найдены умершие, неизвестен местным жителям, находится от ближайшего жилого места Кумах-сурта в ста шестидесяти верстах к северу, никаких знаков насилия на телах умерших не найдено, из краткого же дневника, веденного капитаном Де-Лонгом, заключить можно, что смерть его и его партии последовала 30 (18) октября, а так как из того же дневника видно, что матросы Эриксон и Алексей умерли еще раньше и оба погребены товарищами во льду р. Лены, то инженер-майор Мельвиль постановил: корабельные журналы и пр. бумаги и вещи, опечатав, хранить для доставления куда следовать будет, тела умерших предать земле и розыски партии капитана Де-Лонга, состоявшей из 12 человек, прекратить, продолжая розыски партии лейтенанта Чиппа, состоявшей из восьми человек, в чем и составлен настоящий акт. Подлинный подписан: Джордж Мельвиль, Бартлет, Ниндеман, норвежский подданный Иуаким Гренбек, якуты Жиганского улуса 2 Батугенского наслега Гавриил Гоголев и Тюмятинского наслега Егор Бобровский, по личной двух последних просьбе руку приложил урядник Петр Калинкин.

В верности свидетельствую:
Начальник отделения *Приклонский.*

Участник поисковой партии Мельвиля, С. Е. Лион, оставил нам чрезвычайно интересные заметки о розысках, напечатанных в газете «Восточное обозрение», отчасти вошедшие в его труд «Революционеры за полярным кругом». Он пишет, что во время поисков стояли лютые морозы и свирепствовали снежные метели (пурга). В постоянных разъездах люди изнемогали от холода и усталости, и, лишь спустя почти месяц, обследуя высокий берег притока Лены у острова Боран-белькой, Мельвиль увидел торчащий из сугроба высокий шест. Разрыв снег, обнаружили висящую на шесте американскую винтовку, а внизу два трупа. После этого Мельвиль, отойдя примерно на несколько метров в направлении к реке, заметил закопченный котелок, ярко выделяющийся на белоснежном фоне. Подойдя ближе, он обнаружил следы огня и согнутую руку, высунувшуюся из-под снега. Это были останки Де-Лонга, Эмблера и Ах-Сама. Они лежали близко один к другому и были покрыты обрывками палатки и байковыми одеялами. Ли и Катч были обнаружены отдельно, в небольшой ложбинке, за выступающим мысом высокого берега. Вместе с трупами найдены были два ящика с бумагами и памятными записками, ящик с медикаментами и надетый на палку флаг. Возле Де-Лонга лежала его маленькая записная книжка, прозванная Мельвилем «ледяным» дневником. Только бумага могла выдержать и сохранить эти строки мучений и сверхчеловеческих страданий. «Я видел, — вспоминает Лион, — этот документ невероятных и героических страданий, в котором день за днем, час за часом повествуется, как эти герои мужественно умирали один за другим от холода и голода в страшных мучениях в ледяных пустынях нашей далекой заполярной Сибири.

Ни у кого из умерших на ногах не было сапог, ноги у них были обернуты и обвязаны тряпками. В карманах у всех находились кусочки жженой кожи и тряпки, которые они ели. Руки у них были обожжёны и, казалось, умирая, они, в предсмертной агонии, простирали руки свои в огонь; один из них, Бойд, лежал, вероятно, в самом огне, одежда его вся прогорела насквозь, дотла, но тело оставалось не обожженным. У Коллинса лицо было прикрыто одеждой.

Доктор Эмблер замерз, гложа собственную руку...»[74].

25 (13) мая прибыл к якутскому губернатору с письмом от Мельвиля из юрты Хас-хата в Ленской дельте урядник Калинкин. Мельвиль в письме от 10 апреля сообщал[75], что розыски остальных членов партии Де-Лонга закончены и найдены трупы всех девяти его спутников; в настоящее время партия занята поисками лейтенанта Чиппа и его товарищей.

Имея в виду трудности возврата через г. Верхоянск по зимнему пути и чтобы сохранить книги, бумаги и другие вещи, найденные при Де-Лонге, Мельвиль решил заблаговременно отправить вещи в г. Якутск с канцелярским служителем Бобоховым и урядником Калинкиным, отзываясь с похвалой о их верной и исправной службе. Сам же Мельвиль рассчитывал на скорый возврат и только в случае несчастия полагал пробыть на севере все лето, предпочитая вчетвером терпеть все неприятности.

Из рассказов урядника Калинкина выяснилось, что трупы капитана Де-Лонга и других были перевезены с острова к зимовью Матвея, похоронены в 10 км западнее в урочище Кенюль, на левом гористом берегу западной протоки[76]. Трупы умерших были сложены в ящик из барочного леса; ящик обложен был камнями, и над общей могилой водрузили деревянный крест. Урочище Кенюль лежит от с. Булуна верстах в 270 вниз по левому берегу р. Лены. Далее, сообщил Калинкин, Мельвиль предполагал после отъезда Бобохова и Калинкина отправиться к устью р. Оленека для поисков лейтенанта Чиппа на побережье, а Ниндемана и Бартлета имел в виду отправить — одного для поисков на восточном побережьи Ленской дельты, а другого — на северном. Все трое должны были встретиться в юрте Хас-хата и следовать к Быковскому мысу, отсюда отправиться для поисков по всему побережью морской губы Борхая и затем через устье р. Омолой возвратиться в г. Верхоянск.

Во время поисков Мельвиля в дельте р. Лена, а именно 28 (16) марта, прибыли с той же целью в г. Якутск корреспонденты нью-йоркской газеты «Геральд» Джон Поль Джексон и лондонской «Иллюстрации новостей» Аксель Ларсен, вместе с матросом Луи Норосом, и заявили якутскому губернатору о своем намерении отправиться на дальний север еще по зимнему пути. Принимая во внимание желание правительства оказать всем полное содействие в поисках капитана Де-Лонга и экипажа «Жаннеты», якутский губернатор выдал им бланковые билеты на подводы от г. Якутска до с. Булун и обратно, командировал для сопровождения их на все время пути казака, знающего якутский язык, поручил верхоянскому полицейскому управлению содействовать путешественникам при переездах в найме людей и заготовке продовольственных припасов.

4 апреля на север выехал Джексон, а 10 апреля — Ларсен. С ними отправился якутский ветеринарный врач Гольман, знающий немецкий и якутский языки.

Летом 1881 г. в Соединенных Штатах Америки были организованы поиски «Жаннеты» на суднах «Корвин» и «Роджерс». Эти поиски имели ограниченный район и касались земли Врангеля и острова Геральда. 30 ноября 1881 г., около мыса «Сердце-камень», где зимовало судно, «Роджерс» сгорел. Команда перешла на материк и разместилась в чукотских становищах. Отсюда капитан «Роджерса» Берри командировал корреспондента У. Гильдера искать ближайший телеграфный пункт, чтобы оповестить о случившемся морское ведомство и просить новое

судно для того, чтобы направить лейтенанта Ганта с командой в г. Средне-Колымск для закупки менового товара. Сам Берри выехал через Якутск в Иркутск с донесением в Соединенные Штаты Америки[77].

В г. Средне-Колымске капитан Берри и лейтенант Гант узнали от исправника Кочаровского о печальной участи экипажа «Жаннеты». Капитан Берри решил немедленно принять участие в розысках экипажа. Исправник Кочаровский для снаряжения экспедиции сделал все необходимые распоряжения и на расходы занял у местных купцов 683 руб. 43 к.; кроме того, из казенных сумм он выдал капитану Берри заимообразно одну тысячу руб. Капитан Берри передал Кочаровскому 850 долларов золотом, которые сданы были в якутское казначейство. Проводником этой поисковой партии был усть-янский юкагир Федор Шульговатый, у него были свои собаки; с партией, по желанию капитана Берри, отправился петропавловский крестьянин Константин Татаринов и казак Михаил Татаринов; всего партия состояла из пяти человек на четырех нартах по 12 собак в каждой. Обследования должны были производиться вдоль берега Ледовитого океана до селения Русского Устья на р. Индигирке[78]. Корреспондент Гильдер направился в дельту р. Лены к Мельвилю через г. Верхоянск. Верстах в 300 от Верхоянска он встретился с нарочным, который вез в Иркутск печальные письма и депеши от Мельвиля.

Гильдер с Бобоховым прибыли в г. Якутск из дельты р. Лены 3 июня, а 7 июня в Якутск прибыли Мельвиль, Гренбек, Бартлет, Нindеман, Джексон, Ларсен, капитан Берри, лейтенант Гант и матрос Норос. Все они стремились возвратиться на родину и выехали из г. Якутска 12 июня на пароходе «Пионер»[80].

Между тем, правительство Соединенных Штатов Америки отправило на поиски экспедиции в дельту р. Лены новую экспедицию со специальным заданием разыскать отряд лейтенанта Чиппа. Экспедицию возглавляли лейтенанты Г. Б. Гарбер и В. Г. Шютце; 26 февраля 1882 г. они прибыли в С.-Петербург, а 27 февраля выехали отсюда через Казань в Иркутск. 8 июня они уже были в с. Витимском, соорудили здесь маленькую шхуну, на которой собирались предпринять поиски в дельте р. Лены. К 12 июня постройка была закончена, Гарбер и Шютце выехали в Якутск на пароходе «Тихон Задонский», который буксировал шхуну[81].

В Якутске экспедиция закончила свои приготовления и на собственной шхуне, которой было присвоено название «Серч», 24 июня в составе 8 человек отплыла к устьям р. Лены. Для этой экспедиции со стороны русского правительства не требовалось никаких особых распоряжений, кроме извещения прибрежных жителей о цели этой экспедиции и о содействии, в случае нужды, в найме проводника, рабочих и пр.[82].

7 октября якутский губернатор от состоящего при экспедиции переводчика Г. Торнам получил письмо из Булуна, помеченное 3 июля. Сведений о дальнейшей судьбе экспедиции больше не поступало, а между тем навигация уже заканчивалась, по ночам крепчали морозы, и сама Лена была накануне «шуги». Принимая во внимание, что путь от Якутска до Булуна свыше 2000 км «Серч» на парусах сделала в восемь или девять дней, якутский губернатор полагал, что именно это обстоятельство — быстроходность судна — могло породить уверенность у поисковой партии в скором переходе обратного пути, подало повод замешкаться там и не обратить внимания на наступление холодов, которые могли остановить экспедицию в необитаемом месте. Якутский гу-

бернатор даже полагал, что на возврат экспедиции водой по р. Лене в г. Якутск уже потеряна всякая надежда [83].

Но все кончилось благополучно. Оказалось, что экспедиция была задержана наступлением зимы в селе Булун, где пришлось оставаться до открытия санного пути. Из донесения генерал-губернатора Восточной Сибири министру внутренних дел видно, что часть ее состава вернулась в г. Якутск 23 (11) ноября, привезя с собой труп Коллинса, бывшего метеорологического наблюдателя на «Жаннете», остальные американцы ожидались через неделю [84].

В северной и восточной частях дельты поиски производил лейтенант Г. Гарбер в сопровождении Бартлета и Калинкина. Вначале они намеревались на лодках проехать вдоль северных берегов, а потому исходной своей точкой взяли Русскую метеорологическую полярную станцию на острове Сагастыре, которая в это время только что развернула свою работу. Но первая же попытка показала всю несостоятельность намеченного плана: вдавшиеся далеко в море песчаные косы делали поездку на маленькой лодке (dory) опасной, ибо приходилось объезжать косы и вместе с тем значительно отдаляться от берега. Поэтому пришлось ограничиться только осмотром того места, где высадился капитан Де-Лонг со своими людьми, в надежде найти там что-нибудь, не замеченное Мельвилем в прошлом году под снегом.

До поисков в северной части дельты Гарбер осмотрел весь берег, начиная от мыса Быкова до устьев р. Лены [85]. Все поиски оказались безуспешными.

Во время пребывания лейтенанта Гарбера в северной части дельты шхуна «Серч» стояла у острова Матвея. На ней оставался только Торнам и индеец; лейтенант В. Шютце производил поиски в западной части дельты и в устьях р. Оленека, куда отправились на кутере [86]. Осмотр здесь также никаких результатов не дал.

К 22 (10) сентября шхуна «Серч» была в Булуне, где команда ее с Торном во главе осталась ожидать зимнего пути, чтобы направиться в г. Верхоянск. В это время лейтенанты Г. Гарбер и В. Шютце жили на острове Сагастыре в Русской полярной метеорологической станции, намереваясь по первому снегу еще раз осмотреть берега дельты Лены. Между тем, здесь, на острове Сагастыре, суровая северная зима уже вступала в свои права: температура упала ниже 0 и даже — 10°С, начались снежные метели, и тундра покрылась снежным покровом. Гарбер и Шютце находились в очень затруднительном положении, так как жители дельты не могли снабдить их материалом для одежды из-за неудачной охоты на оленей в эту осень; с большим трудом удалось им достать необходимую для обратного пути теплую одежду, и только месяц спустя они могли тронуться в путь и вместе с тем выполнить свое намерение: Шютце проехать вдоль морского берега через Баркин-стан к Быковскому мысу, а Гарберу — туда же по прямой дороге; вместе они двигались от мыса Быкова на Булун. Гарбер хотел, заехав в урочище Кенюль, взять тело Де-Лонга для отправки в Америку. 24 (12) сентября он оставил Русскую полярную станцию на острове Сагастыре, а на другой день ее покинули Шютце и Калинкин [87].

Вывезти из дельты р. Лены останки капитана Де-Лонга и его товарищей было не личным желанием лейтенантов Гарбера и Шютце. В архиве имеется указание на телеграмму американского посланника в России Гунта нижеследующего содержания: «Лейтенанту Гарбер. Правительство приказало строить сани и на них везти трупы до Оренбур-

га, где будут ждать металлические гробы для отправки трупов в Петербург [88]». Якутский губернатор эту телеграмму, известную ему из письма поверенного лейтенанта Гарбера в г. Иркутске, не счел разрешением на перевозку трупов: для этого требовалось разрешение министра внутренних дел, согласно статье о медицинской полиции. Вместе с тем якутский губернатор по вопросу о перевозке останков капитана Де-Лонга и его товарищей высказал свое мнение [89]. Помимо неудобств, — везти сухопутным путем трупы из дельты р. Лены через Якутск, Оренбург до С.-Петербурга, через всю Россию на протяжении 11 тысяч верст, — губернатор предвидел затруднение еще и в сборе подвод от Ленской дельты до Якутска. Урочище Кенюль — безлюдное, пустынное место, отстоящее от с. Булуна, последнего населенного места на севере, на 270, а может быть и более верст. Дальнейший путь от с. Булуна к г. Верхоянску тоже пустынен с разбросанными на сотни верст одно от другого жилищами.

Сопоставляя наши неудобства и затруднения в перевозочных средствах по пустынным местностям с обширными мореходными возможностями Соединенных Штатов Америки и учитывая свободный морской путь от Берингова пролива на запад (это подтверждено плаванием Норденшельда), якутский губернатор полагал, что провоз останков капитана Де-Лонга и его товарищей в Америку морем летом будущего года был бы более удобен, нежели перевозка через всю Россию сухопутно. Эти соображения он представил генерал-губернатору Восточной Сибири.

Генерал-губернатор Восточной Сибири присоединился к мнению якутского губернатора и сделал соответствующее представление в министерство иностранных дел. Однако министерство, повидимому, не совсем правильно формулировало эту точку зрения якутского губернатора, на что указывает телеграмма американского посланника Гунта, адресованная доверенному Г. Гарбера: «Пошлите следующее по эстафете лейтенанту Гарбер в Якутске. Министр иностранных дел говорит, что губернатор Иркутский (Якутский?) думает, что передвижение трупов в настоящее время будет непрактично и опасно для собак и оленей, которые будут употреблены и которые не могут быть заменены для жителей, если они пропадут; посоветуйтесь с губернатором и результаты сообщите телеграфом» [90].

Якутский губернатор имел по поводу этой телеграммы объяснение с Гарбером и еще раз высказал ему свое мнение, что, ввиду ранней зимы на севере в текущем году, тамошние жители остались без осеннего зверового промысла, разбрелись для промыслов в отдаленные места и на местах их обычного кочевья может никого не оказаться, поэтому он не уверен в возможности получить подводы для перевозки 9 трупов американцев. Гарбер, однако, намеревался нанять подводы по добровольному соглашению с зажиточными людьми Верхоянского округа и возвратиться в Якутск, если наем подвод ему не удастся.

Таким образом, Гарбер отказывался от получения транспорта через администрацию, освобождая этим местных жителей от обязательного участия в перевозке трупов через Якутскую область. Якутский губернатор не видел уже со своей стороны причин, мешающих разрешению перевозить трупы сухопутным путем, и поддержал эту просьбу Гарбера, направленную министру внутренних дел [91].

Отношение министерства иностранных дел к этому вопросу можно определить по докладной записке министра [92]. Приведем выдержки из нее.

Министерство иностранных дел в принципе считало неправильным обращение правительства Соединенных Штатов Америки по вопросу о перевозке останков капитана Де-Лонга и его товарищей к местным властям Якутской области, минуя его. Кроме того, министерство вполне поддерживало мнение генерал-губернатора о непреодолимых затруднениях по сбору подвод в безлюдной местности Ленской дельты и дальше по пути до г. Якутска, тем более, что никакие деньги не в состоянии заменить жителям предметов продовольствия, добываемых преимущественно в зимнее время. Многие места из отчетов Мельвиля и Доненгойера, по мнению министерства, красноречиво свидетельствуют о тяжестях бытовой жизни инородцев в северных частях Якутской области, лишениях и страданиях, ими испытываемых. Почти на каждой странице отчета говорится о недостатке продовольствия и перевозочных средств, о затруднениях, с которыми была сопряжена одновременная перевозка двух-трех членов экипажа «Жаннеты», об истощении, до которого были доведены инородцы, олени и собаки от непомерных требований русских властей и самих американцев. Между тем, тот же отчет свидетельствует о человеколюбивом отношении туземцев к погибавшим иностранцам.

По мнению министерства, после благополучного спасения оставшихся в живых членов экспедиции, было бы несправедливо и жестоко обращаться к тем же инородцам с новыми требованиями о перевозке трупов в десяти тяжелых гробах, на протяжении более тысячи верст по пустынным местностям Якутской области.

Испытав неудачу в непосредственных своих сношениях с местными сибирскими властями, американский посланник обратился в министерство иностранных дел с просьбой дать приказание надлежащим губернаторам оказать содействие к осуществлению задуманного предприятия, в котором принимает самое живое участие правительство Соединенных Штатов Америки и весь американский народ. Отказ со стороны министерства, конечно, мог произвести неблагоприятное впечатление в Америке, но оно полагало, что такой отказ в настоящем случае, и ввиду всех вышеизложенных обстоятельств, будет вполне справедлив; министерство не соглашалось дать разрешение на приведение в исполнение предприятия, которое грозило гибелью множеству людей и разорению бродячих племен.

Еще резче выявляется отношение центра к вопросу о перевозке останков из доверительного письма директора департамента внутренних сообщений иностранных дел генерал-губернатору Восточной Сибири.

Вот это письмо[93].

«СПБ, 15 декабря 1882 г.

Доверительно

Милостивый Государь, Дмитрий Гаврилович[95],

Из телеграмм, полученных из Восточной Сибири, оказывается, что американцы успели настоять на своем безумном предприятии и начали уже перевозку тел погибших членов экспедиции парохода «Жаннеты». Позвольте мне по этому поводу представить Вашему Превосходительству копию с несостоявшегося всеподданнейшего доклада Управляющего Министерством Иностранных Дел, из которого Вы изволите усмотреть, что наше министерство полагало поддержать самым энергичным образом заявление Ваше относительно невозможности приведения в исполнение предположения американцев.

Может быть, Ваше Превосходительство признает удобным сообщить в свое время в Петербург все подробности[95] о том, ценой каких невознаградимых жертв инородцы исполнили требование временных своих повелителей американцев. Такие сведения могли бы оказаться здесь, как мне кажется, очень полезными. Они содействовали бы распространению правильных понятий о положении дел на нашей далекой Сибирской окраине и рассеяли бы господствующее представление, что то, что возможно в Германии и Франции, столь же возможно и в устьях Лены, были бы только деньги.

Прошу Ваше Превосходительство верить в глубочайшее уважение и преданность

Вашего покорного слуги *Остен-Сакена*»[96].

На основании этого письма генерал-губернатор Восточной Сибири просил якутского губернатора сообщить все подробности дела спасения американцев для распространения правильных понятий о положении дел на нашей далекой окраине и рассеяния мнения, которого придерживались американцы, что то, что возможно в цивилизованных краях, возможно и в устьях Лены, были бы только деньги; также весьма желательно было бы знать, ценой каких жертв инородцы исполнили требования правительства по спасению американцев[97].

26 (14) апреля 1883 г. якутский губернатор сделал обстоятельное представление по вопросам, интересующим генерал-губернатора Восточной Сибири и министерство иностранных дел[98].

Якутский губернатор счел необходимым изложить сначала общую характеристику условий жизни в низовьях Лены и ближайших ее окрестностей, а также, соблюдая строго хронологический порядок, описать пребывание американцев в Якутской области, изложенное нами выше, в заключение сделать свои заметки по поводу выдержек из отчета инженера Мельвиля и лейтенанта Доненгойера.

Берега, к которым пристали американцы, спасшиеся с «Жаннеты», — сообщал якутский губернатор, — принадлежат 2-му Хатыгинскому, Туматскому и 2-му Батудинскому наслегам Жиганского улуса. Последний занимает площадь между 74° и 65° с. ш. по р. Лене и ее притокам, граничит на севере с Ледовитым океаном, на востоке — с Устьянским улусом, а на западе простирается до р. Анабары, между 108° и 131° в. д., считая от Гринвича.

На этом обширном пространстве, в сущности пустыне, как и острова у северного побережья Сибири, в 1883 г. жили 2658 (1258 мужчин, 1363 женщины) якутов и тунгусов, рассеянных по урочищам[99]. В трех побережных наслегах, где высадились американцы, числилось всего 280 мужчин и 271 женщина; следовательно, вся эта площадь представляла собою громадную пустыню с настолько редким населением, что сосед от соседа жил за сотни верст; восточная же часть Ленской дельты считалась вовсе необитаемой.

Поселения Якутской области, за весьма редкими исключениями, не представляют собой поселений хорошо нам известного типа сел, деревень; здесь население рассеяно отдельными семьями и зависит исключительно от мест своих промыслов как источника питания, перекочевывая из одного места кормежек скота в другое, обильное рыбой и зверем. Жители Ленской дельты, не имея домашнего рогатого и конного скота, перекочевывают: с оленями — искать место кормежки для оленей, а с собаками — мест рыбных, вместе с тем обеспечивающих и собственное прокормление, — мест, обильных рыбой, зверем и дикой птицей; живу-

щие зимой в одних местах, летом перекочевывают в другие; при этом ранняя зима, покрывая протоки и берега льдом, лишает население возможности добывать оленей.

Удачный промысел на оленей бывает тогда, когда зверь, проведя лето на жирных мхах морского берега на приволье, защищенном ветром с моря от «гнуса», комаров и паутов, с началом зимы стадами переходит в тайгу, к юго-востоку и юго-западу от морского берега, переплывая встречающиеся на пути протоки и озера; здесь охотники караулят оленей и во время самого «переплава» врезываются на своих ветках[100] в самую гущу стада и колят ножом или копьем направо и налево, так как по обычаю, строго сохраняемому, не принято стрелять оленей, чтобы не пугать двигающихся стад; ниже по реке устраивается особая загородь, куда течение приносит заколотых оленей. Когда же зима наступает рано, тогда олень, покидая морской берег, с успехом избегает преследования охотников-промышленников. Поэтому-то ранняя зима и неудачный осенний промысел на оленя в ноябре 1882 г. заставили жителей Туматского селения и Сагастырской протоки перекочевать на Быковский мыс для рыбных промыслов.

Жители Ленской дельты как исключение образуют более скученные поселения летом, на Сагастырской протоке. Туматское селение — самое северное, до которого верст сорок не дошел лейтенант Де-Лонг со своим отрядом, свернув к югу. Второе — Зимовьелах на Быковском мысу и Булун на Лене заселены преимущественно зимой, летом их покидают для летних промыслов, а в Туматском — живут летом, расходясь на зиму только после неудачного оленьего промысла. Кроме оленьих шкур и мяса, рыбы, мамонтовой и моржовой кости, жители дельты Лены для своего домашнего обихода получают от наезжающих зимой купцов дабу[101], ситец и другой простой «на якуцкую руку» товар, но больше всего так называемый «черкасский» табак и кирпичный чай в обмен на пушнину, кость и рыбу. При такой скудной материальной обстановке, в вечной борьбе с суровой природой «за кусок хлеба» жители Ленской дельты не могли достигнуть высокого культурного развития. В 80-х годах прошлого столетия все они считались христианами; между ними не наблюдались преступления, они отличались простосердечием, добродушием и, по-своему, гостеприимством.

Население Ленской дельты не сохраняет больших запасов, а всегда ограничивается количеством, потребным для собственной семьи до следующих промыслов, и вообще в годы скудных уловов умеренно в пище. Избыток своей добычи они охотно отдают наезжим купцам в обмен на товары. Когда запасы истощаются, жители переходят на другое место, рассчитывая получить там необходимое продовольствие (оленье мясо, рыбу и т. д.).

Всякий гость, как случайный и непредвиденный потребитель, может причинить затруднения в питании, если его пребывание будет продолжительным, к концу летнего или зимнего времени года, когда истощаются запасы. По сведениям 1883 г. более 8 лет не было голодовки в Ленской дельте, и только осень 1882 г. была неудачна для оленьего промысла; смертные случаи от голодовки совершенно неизвестны во всей Якутской области.

Далее якутский губернатор дает объяснения по поводу отчетов Мельвиля и Доненгойера в той части, которая касается вопросов административного распоряжения по спасению американцев, снабжения их продовольствием, транспортом и, наконец, общих условий жизни в дельте р. Лены.

Якутский губернатор считал, что представленные сведения не тождественны с опубликованными в американской печати, потому что, не зная скудных условий полярной местности, ее печальной природы, а главное — местного языка, объясняясь пантомимой, американцы могли принять это обычное положение за исключительное, сложившееся якобы лишь из-за высадки их на этот берег. Характеристика Жиганского улуса дана американцами неверно, сгущенными красками, вероятно потому, что местные условия были для них неожиданны и непривычны.

Все же ходатайство лейтенанта Гарбера о перевозке останков капитана Де-Лонга через Восточную Сибирь в г. Охотск или в Европейскую Россию, в г. Оренбург, начальный пункт железной дороги, было удовлетворено министром внутренних дел [102] через генерал-губернатора Восточной Сибири [103]. Были направлены соответствующие распоряжения губернаторам: иркутскому (гражданскому), енисейскому, томскому, тобольскому, акмолинскому, оренбургскому и военному губернатору Приморской области [104].

31 (19) марта 1883 г. якутский губернатор доносил, что лейтенанты Соединенных Штатов Америки Гарбер и Шютце 29 (17) марта прибыли с устьев Лены через г. Верхоянск в г. Якутск и, проведя в дороге 56 дней, привезли все десять трупов, наняв для перевозки их в Верхоянском округе подрядчиков [105].

Уже наступила весенняя распутица, и дальнейшее следование транспорта было невозможно; не было и металлических гробов, трупы были помещены в ледники гражданской больницы. Здесь они оставались до октября [106].

К этому времени трупы значительно попортились. В анатомическом театре, под наблюдением доктора Капелло, их отогрели, сняли одежду, завернули в холст и, надписав фамилии, уложили в металлические гробы. Разумеется, снять одежду можно было, только разрезав ее на куски. И в этом можно было прочесть всю трагическую историю последнего этапа в жизни погибшего экипажа. Скончавшиеся ранее были одеты легче. Их одежда шла живым. Холод был сильный, а голодный желудок не согревал. Несчастные надевали на себя все, что могли. По словам очевидцев, одежда толстым слоем покрывала мертвые тела. Под двумя-тремя пальто оказывалась рубашка, за ней мундир, затем опять несколько сорочек и фуфаек. Ноги были завернуты многими тряпками; руки и ноги некоторых поражены были гангреной [107].

Из донесения якутского губернатора от 16 (4) ноября узнаем: лейтенанты Гарбер и Шютце заявили ему, что с останками своих соотечественников — капитана Де-Лонга, доктора Эмблера, метеоролога Сама — они предполагают выехать из Якутска 28 (16) ноября и следовать через Иркутск, Томск, Омск, Оренбург, Москву, Смоленск, Вильно к г. Кенигсбергу. Все трупы, каждый отдельно, в мерзлом состоянии, были обернуты в лен, затем войлок, в матрацы, набитые опилками, наконец, уложены в жесть, края которой плотно были спаяны, и помещены в десяти деревянных ящиках, обтянутых поодиночке железными обручами.

Гарберу и Шютце для переезда был выдан открытый лист нижеследующего содержания [108]:

№ 3137 Копия

ОТКРЫТЫЙ ЛИСТ

Дан сей от Якутского Губернатора гг. лейтенантам Флота Северо-Американских Соединенных Штатов Гарберу и Шютце, в том, что на основании распоряжения Его Сиятельства Г. Министра Внутрен-

них Дел от 29 декабря 1882 года, сообщенного мне в предписании Г. Генерал-Губернатором Восточной Сибири от 31 декабря того же года за № 1522, разрешено означенным офицерам перевезти через Якутск, Иркутск и Европейскую Россию в Северо-Американские Штаты из Ленской Дельты десять трупов умерших моряков с погибшего парохода «Жаннеты». Означенные трупы для перевозки уложены в мерзлом виде в десяти деревянных ящиках, обитых внутри жестью, края которой наглухо спаяны. Самые же деревянные ящики обиты железными ободьями. А потому, на основании вышеизложенного разрешения, имею честь покорнейше просить всех местных властей по пути следования означенного транспорта с десятью трупами оказывать полное законное содействие гг. лейтенантам Гарберу и Шютце к скорейшему и безостановочному их проследованию. 4 ноября 1883 г. г. Якутск.

Подлинное подписал Якутский Губернатор Генерал-Майор *Черняев.*

С подлинным верно: Управляющий Отделением
Андр. Кугаевский.

На проезд Гарберу и Шютце выданы были казенные подорожные на две лошади до г. Оренбурга; собственно же для провоза трупов на почтовых до г. Оренбурга Гарбером и Шютце были взяты подорожные по частной надобности. Далее путь шел уже по железной дороге. Кроме того, об оказании содействия при перевозке трупов было дано указание губернаторам: иркутскому, енисейскому, томскому, акмолинскому, оренбургскому, тамбовскому, рязанскому, могилевскому, минскому, виленскому и ковенскому и окружным полицейским управлениям: якутскому, олекминскому, киренскому и верхоянскому, витимскому заседателям.

В г. Иркутск транспорт прибыл 17 (5) декабря. Здесь он был встречен членами распорядительного комитета Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества и представителями города: городским головой, членами управы и некоторыми гласными. Гробы были поставлены на Тихвинской площади, в траурном павильоне, где председатель Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества Бобровников произнес речь.

18 (6) декабря на гробы были возложены венки: от Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, от сибирской прессы, от Общества врачей Восточной Сибири, от Общества офицеров и от некоторых частных лиц.

17 декабря состоялось многочисленное общее собрание членов обществ. А. И. Бобровников в своем выступлении изложил историю экспедиции «Жаннеты» и предложил написать имя Де-Лонга на здании музея Общества среди других тружеников науки. В ответ на прочувствованную речь Бобровникова Шютце выступил со следующим спичем на английском языке.

«Милостивые государыни и государи, члены Географического общества Восточной Сибири!

Американцы известны одинаково хорошо по их склонности говорить спичи, я думаю, как в Азии, так и в Европе. Морские офицеры, напротив, слывут за молчаливых людей, и наша речь потому будет кратка. Адмирал Фаррагут [110] однажды выразился, что он не желал бы иметь под своей командой такого офицера, который был бы в состоянии сказать спич. Прошу извинения, если мы останемся верными знамени, воздвигнутому знаменитым командиром.

Благодарность Вам за в высшей степени сердечный привет, оказанный

нам в этот вечер. Половина нашего трудного пути по крайнему северу уже окончена, и оказанный нам здесь прием столько же искренен, сколько и неожидан. Особенно надобно поставить на вид, что общество, организованное для разработки знаний, ради которых умерли наши возлюбленные товарищи, соединилось с городскими иркутскими властями в оказании последних почестей умершим в той стране, где они нашли свою судьбу. О, если бы вы знали, какие чувства возбуждены в наших сердцах по этому случаю, то было бы излишне делать оценку единодушной и искренней симпатии и помощи, которые излиты на нас русским народом.

Благодарность вам за ваше похвальное слово Де-Лонгу и его товарищам. Для нас достаточно знать, что они умерли как люди, встретившие свою судьбу без всякого ропота. Наша родина стремится оказать последние почести их останкам, и наши соотечественники будут в высшей степени довольны, услышав о тех почестях, которые оказаны были им здесь, и мы сочтем для себя сколько удовольствием, столько же и обязанностью довести до сведения нашего правительства об аттрибутах почестей и уважения, оказанных умершим в отдаленнейших областях Сибири.

Когда мы возвратимся домой и окончим нашу печальную миссию, то мы увезем с собой в высшей степени приятные воспоминания об Иркутске, и тот прием и радушие, которые были оказаны нам правительством, городскими властями, географическим обществом и вообще сибирским народом, никогда не будут нами забыты.

Сказано-сделано. Примите же нашу искреннюю благодарность от имени правительства Соединенных Штатов, равно как и от нас самих».

19 декабря происходили проводы трупов американцев при большом стечении публики; проводы были торжественные, сопровождались войсками с военной музыкой. Н. Максимович-Васильковский прочел стихи:

«НА ГРОБ КАПИТАНА ДЕ-ЛОНГА И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ

В пустынях холодных, во славу науки,
Вы в жертву себя принесли.
Смотрите, все страны простерли к вам руки, —
На гроб вам венки принесли.
Ваш подвиг всем юношам долг их укажет,
Как миру служа умирать,
Как следует, — имя то ваше им скажет, —
Для ближних себя забывать.
Де-Лонг! Ты отважный воитель науки,
Ты витязь теперешних дней,
Ты славы не видел, ты вынес лишь муки
Для знанья и пользы людей.
И имя потомки твои не забудут:
Наука его сохранит,
И славить потомки твой подвиг все будут,
Хоть будешь ты в землю зарыт.
Все пять частей света, с тобою прощаясь,
Промолвят: «Покойся, герой!»
Погибший, средь тундры бесплодной скитаясь,
Ты чести достоин такой.
Кто так умирает, тот вновь воскресает
В устах умиленной толпы,
И тело героев хотя зарывают, но славу они по себе оставляют, —
Так лавры не свянут твои».

Публика провожала тела до перевоза. Там сопровождавшими войсками произведены были три залпа [111].

28 (16) декабря Гарбер и Шютце с останками капитана Де-Лонга и его товарищей выехали из г. Красноярска.

В Иркутске, — пишет корреспондент «Сибирской газеты», — их встретила и проводила масса народа и местные войска, было возложено много венков. А в Красноярске, наоборот, Гарбер и Шютце не встретили никакого внимания. Полиция не оказала им никакого содействия, и когда нужно было у пяти экипажей переменить полозья, то кузнецы, воспользовавшись случаем, сделали это за очень большую цену — по 20 р. за каждый полоз.

«Впрочем, у нас еще курьезнее бывали случаи, — замечает, далее, корреспондент. — Когда Норденшельд проезжал через Красноярск, то содержательница номеров Вы — ва, у которой он квартировал, вздумала обличать его в покраже серебряных ложек, и если бы не бывший директор гимназии Аристовский, то дело дошло бы до полицейского разбирательства. Зато вот я помню, года три тому назад, из Оренбурга через Красноярск провозили на прииска Базанова паровик для золотопромышленной машины, так паровик этот был встречен красноярцами за городом и провожен за город, тут вся «интеллигенция» присутствовала. Вы подумайте только, под паровиком было запряжено 38 лошадей [112]...» Лучше этого жизнь сибирского общества захолустного городка 80-х годов прошлого столетия, кажется, и не изобразишь.

В г. Томск Гарбер и Шютце прибыли 31 (19) декабря в 5 час. пополудни [113].

На другой день они были приглашены в общественное собрание на обед, на котором присутствовало около 40 человек. За обедом лейтенант Гарбер в произнесенной на английском языке короткой речи выразил глубокую признательность за сочувствие и внимание, с которыми они были встречены в Сибири вообще, а в Томске в особенности, и за знаки уважения, оказанные памяти их покойных соотечественников. На другой день в 10 час. утра сани с установленными на них ящиками с гробами, покрытые черным материалом, вывезены были из двора гостиницы «Европа» и в ожидании лошадей помещены перед зданием городского общественного управления. Затем на ящики, украшенные зеленью, были возложены венки. К этому времени в зале городской думы собрались гласные, члены управы, некоторые представители местной администрации и многочисленная публика. В 11 час. явились туда и готовые к отъезду Гарбер и Шютце. Пригласив их занять почетные места за столом, на котором красовался металлический венок от г. Томска, городской голова П. В. Михайлов кратко изложил историю экспедиции, печальный исход которой послужил причиной появления в Томске лейтенантов Гарбера и Шютце, посланных правительством Соединенных Штатов Америки для доставки останков погибших героев на родину. Затем Гарбер на английском языке от имени американского народа выразил еще раз жителям Томска признательность за прием и уважение к памяти усопших. На средний гроб положен был венок из свежей зелени и цветов, украшенный траурной лентой с надписью *«Погибшим знания ради»,* и другие венки. Затем американцы отправились в дальнейшее путешествие. По городу гробы сопровождала военная музыка, а среди публики распределялось напечатанное описание гибели «Жаннеты». Гробы провожало очень много народа, несмотря на сильную мятель [114].

В Омск Гарбер и Шютце прибыли 6 января в 3 час. дня и остановились в гостинице «Москва». На другой день они обменялись визитами с генерал-губернатором и губернатором и приняли представителей местного отдела Географического общества (председателя отдела М. В. Певцова, заместителя секретаря И. А. Козлова), которые, выразив сожаление, что кратковременное пребывание американцев в Омске (в Оренбург они выехали того же дня в 5 час.) не позволило отметить их присутствие более достойно и торжественно, вручили им сочувственный адрес.

В 5 час. пополудни американцев проводили скромно, но почетно. Когда печальный кортеж тронулся в путь, усопшим отдана была военная почесть от местных войск, выстроенных на площади перед гостиницей во главе с командующим войсками округа и начальником штаба.

Местная администрация дала необходимые распоряжения о дальнейшем безостановочном следовании американцев через Петропавловск в г. Оренбург[115].

Гибель «Жаннеты» и последующая печальная судьба экипажа судна стали предметом юридического разбирательства следственной комиссии в Америке. Комиссия созвана была в Вашингтоне и начала свои работы 5 октября (23) сентября 1882 г. под председательством командора Темпль (V. J. Temple) и в составе капитана первого ранга Миллера (J. N. Miller), капитана второго ранга Мак-Нера (F. Y. Mac-Nair) и защитника капитана Лемли (S. C. Lemly). Комиссии дан был наказ старательно и подробно исследовать обстоятельства гибели в Северном Ледовитом океане экспедиционного судна «Жаннеты» и смерти капитана лейтенанта Де-Лонга, других офицеров и команды; определить, в каком положении было судно при отплытии, была ли проявлена забота о его спасении во время давления льдов, в каком состоянии было снабжение и планы, принятые командами шлюпок при их оставлении гибнущего судна, каковы были усилия, принятые офицерами, для спасения частей, находящихся под их командованием, какова была помощь другим партиям, а также общее поведение и заслуги каждого — офицеров и команды экспедиции. По указанной программе комиссия вела свои расследования в течение 85 дней; были опрошены оставшиеся в живых участники экспедиции, затем люди, причастные к постройке, переделке и оборудованию «Жаннеты»; вахтенный журнал и дневники капитана Де-Лонга были также зачитаны на заседаниях комиссии как документы, изображающие ход экспедиции и доказательства, оправдывающие те или иные решения капитана.

Относительно мер, принятых для укрепления и приспособления «Жаннеты» к полярному плаванию, комиссия была вполне удовлетворена показаниями должностных лиц адмиралтейства на острове Мэр (Mare Island Navy Jard), сообщениями офицеров «Жаннеты» о сильных давлениях льда и данными журнала Де-Лонга. Комиссия вынесла заключение, что судно, построенное руками человека, не может сопротивляться льду в известных условиях и что «Жаннета» показала себя в продолжительной борьбе исключительно выносливой и годной к плаванью.

Предусмотреть или предотвратить окончательную гибель было невозможно. Всякое другое судно в подобных условиях, такого типа или крепче построенное, — говорит определение комиссии, — подверженное таким давлениям, каким подвергалась «Жаннета», было бы уничтожено.

Комиссия признала, что оставление корабля было своевременным и

вызвано благоразумной осторожностью, что 90 дней после крушения экипаж был в прекрасных условиях, несмотря на тяжелое путешествие; журнал Де-Лонга дает неоспоримые доказательства напряженных усилий, с какими капитан в течение лета двигался к материку, а также свидетельствует о дисциплине и порядке в экипаже.

Последний пункт, которым занималась следственная комиссия, касался общего поведения и заслуг каждого из офицеров и команды «Жаннеты». Комиссия пришла к заключению, что каждый офицер и матрос вели себя так, как подобает. Настроение каждого члена экспедиции было жизнерадостное, бодрое. Добрые товарищеские отношения, взаимное снисхождение, дружба и выносливость, с которыми встречались все трудности и опасности, достойны восхваления. Особого одобрения заслуживают капитан лейтенант Де-Лонг за самоотверженное поведение и правильное руководство экспедицией, старший инженер Мельвиль за усердие, энергичную работу и за поиски погибших в дельте р. Лены, матросы Ниндеман и Свитман за службу, которая была отмечена их начальником[116].

На этом можно было бы закончить. Но заключение следственной комиссии было вынесено 50 лет тому назад... Это была, конечно, только официальная сторона дела, и нам неизвестно, имеются ли у кого-нибудь из участников экспедиции, оставшихся в живых, записки, воспоминания, освещающие другую, внутреннюю, сторону взаимоотношений, оценку распоряжений Де-Лонга и пр. Проф. Гассерт в своем «Исследовании полярных стран» вспоминает, что своеволие бросает мрачную тень на американскую экспедицию «Жаннеты» и Грили. По имеющимся у нас сведениям, правда, требующим более тщательной проверки, кое-кто из участников экспедиции дожил до наших дней.

Во всяком случае весь материал, подлежавший некогда суждению и освещению следственной комиссии, находится уже в исторической перспективе.

Де-Лонг полагал, что северного полюса можно достичь «одним взмахом». Петерманн, авторитет того времени по исследованию полярных стран, организатор двух германских полярных экспедиций, шел еще дальше, — он утверждал, что зимовка в полярных странах — ошибка. Он заявлял, что, при наличии подходящего судна и опытного в полярных плаваниях капитана, сам попытался бы достичь северного полюса, затратив на плавание только три летних месяца[117].

Идея плыть через Берингов пролив принадлежала Де-Лонгу. Этот путь он выбрал, основываясь на предположении о существовании теплого течения, идущего от Японских островов через Берингов пролив на север до острова Врангеля. Петерманн в то время полагал, что этот остров простирается далеко к полюсу, подобно Гренландии, но это не являлось препятствием к осуществлению идеи—достичь северного полюса, — наоборот, новизна пути, выбранного Де-Лонгом, особенно привлекла и сулила много нового в наблюдениях и открытиях, даже помимо основной цели экспедиции [118].

По строго установившимся в то время взглядам полярных исследователей, «Жаннета» должна была следовать вдоль берегов острова Врангеля возможно дальше на север и отсюда уже предпринять санную экспедицию к полюсу.

Де-Лонг верил в правоту своей идеи, верил в свои силы, наконец, в те технические усовершенствования, которыми была оборудована «Жаннета». Но это была одна из первых попыток войти с судном в ледяной пак, и этот первый опыт кончился гибелью судна[119].

Необычайным успехом своей экспедиции на «Фраме» Нансен обязан почти исключительно «горькому опыту» «Жаннеты».

Несомненно прав Ю. М. Шокальский, полагая, что вся история полярных исследований подтверждает то же, что показывает человеческий опыт в любой отрасли деятельности. Движение вперед возможно только путем непрерывного и постепенного труда; появляется опыт, приобретаются новые знания, и успех всегда увенчает тех, кто неустанно работает на общую пользу[120].

Главная заслуга Нансена и заключается именно в том, что, внимательно изучив всю совокупность данных о полярных странах, он сумел извлечь из них новый вывод, на который, между прочим, его навела находка у западных берегов Гренландии предметов, принадлежащих экспедиции «Жаннеты» и оставленных на льдах к северо-востоку от Ново-Сибирских островов[121]. Дрейф «Жаннеты», дрейф во льдах предметов, принадлежавших этой экспедиции, породил у Нансена мысли о существовании в Северном Ледовитом океане постоянного течения от Берингова пролива к Гренландии и Шпицбергену. Его идея — воспользоваться течением, «работать в союзе с силами природы» — была, как мы видим, еще ранее известна Де-Лонгу, а «Фрам» был построен в расчете на сильное давление льда на основании печального опыта «Жаннеты»; первоначальный план Нансена тоже был рассчитан на заход со стороны Берингова пролива[122].

Может быть, и прав Нансен, говоря, что если бы экспедиция «Жаннеты» в достаточной мере располагала провиантом и что если бы она осталась на льдине, на которой покинула найденные впоследствии предметы, то исход ее был бы, несомненно, совершенно иным, чем он был на самом деле; льда было достаточно, чтобы на нем плыть, а подобного рода примеры уже были в истории путешествий[123]. Но тогда не было ведь еще опыта продвижения на большое расстояние по ледяным полям, находящимся в движении. Опытом Де-Лонга совершенно пренебрег и сам Нансен, когда, оставив «Фрам» 14 (2) марта 1895 г. на 83°59′ с. ш. и 102°27′ в. д., пытался на санях достичь полюса.

Итак, в отношении опыта исследования путешествия в полярных условиях экспедиция «Жаннеты» имела несомненно большое значение. Что же касается ее научных результатов, то они оказались много меньше, чем можно было ожидать. Тем не менее экспедиция Де-Лонга расширила несколько наши познания об арктических странах: «Земля Врангеля» оказалась островом и сравнительно небольшим; открыты были острова: «Жаннета», «Генриета» и «Беннетт»; получены были сведения, хотя и неполные, об устройстве поверхности, геологическом строении, полезных ископаемых, растительном и животном мире новооткрытых островов. Некоторые данные были получены и о Ново-Сибирских островах, которые до того времени не посещала летом ни одна экспедиция. В Северном Ледовитом океане отмечено было течение, идущеее в общем параллельно очертанию северного побережья Евразии, — с востока на запад, от пролива Беринга к Шпицбергену и Гренландии, что в дальнейшем подтвердилось и дрейфом «Фрама» (1893—1896), «Св. Анны» (1913—1914), «Карлука» (1913—1914), а также путешествием Каньи, Пири при его неоднократных попытках достичь полюса со стороны земли Гранта, «Мод» (1922—1924), деревянными буями и бутылками «Полярной Звезды» (1927) и, наконец, дрейфом «Седова» (1930, 1938—1940), «Станции Северный полюс» (1937—1938).

Нельзя не сказать о работах экспедиции «Жаннеты» по изучению земного магнетизма, полярного климата, определению глубин Северного Ледовитого океана, температуры его воды, наблюдений над образованием загадочных до того времени полыний, которые так часто встречали Геденштром, Врангель и Анжу во время их санных поездок по льду на север и которые будто бы были обязаны своим происхождением притоку теплой воды; наблюдения экспедиции «Жаннеты» показали, что происхождение их такое же, как и тех временных трещин и открытых пространств воды в ледяных полях, которые очень часто образуются зимой благодаря движению льда; как скоро они появляются, так скоро и исчезают, через смыкание краев или замерзание.

Благодаря поискам вспомогательных экспедиций были внесены существенные исправления в карту Сибирского побережья Северного Ледовитого океана, начиная от устьев р. Оленека до устьев р. Яны. В этом ощущалась большая необходимость, так как съемка этих берегов Анжу производилась в 1821—1823 гг. в зимнее время объездом берега на санях и, конечно, не могла претендовать на большую точность; значительно исправлена была также и карта дельты р. Лены [124].

На карте дельты р. Лены, там, где изображено начало разделения трех ее главных проток: Трофимовской, Быковской и Оленекской, мы без труда найдем мыс «Гора Американская» («Monument Cap») и «Могилу лейтенанта Де-Лонга и его спутников». Действительно после острова Столбового «Американская гора» наиболее приметный пункт у начала дельты. Она поднимается в урочище Кенюль почти на 90 м над уровнем реки, между протоками Оленекской и Туматской, составляющей ответвление протоки Трофимовской. На горе стоит большой крест из толстых бревен, хорошо видный издалека. Чтобы взобраться на гору, надо зайти со стороны Туматской протоки, откуда скаты горы более доступны. Из тяжелых массивных плах устроен помост, на котором в средине возвышается крест, укрепленный пирамидой наваленных камней. Крест — 6,7 м высоты. На верхней его части и на перекладине вырезана Мельвилем и его людьми краткая надпись на английском языке, полная трагизма в своей лаконичности: «The memory of 12 of the officers of the U. S. arctic steamer «Jeannette» died of starvation in Lena delta octoder 1881».

Внизу, на стволе креста, вырезаны все имена погибших: Lieutenant J. W. De Long, Dr. F. M. Ambler, M-r F. F. Collins, H. H. Eriksen, W. Lee. M. A. Gertz, A. Dressler, Y. Boyd, N. Jverson, H. Kach, A. H. Sam. Alexy.

В 1919 г., когда бывшую могилу американцев посетил Ф. А. Матисен [125], плахи помоста были приподняты; крест покосился в сторону. И в этой пустыне нашлись любопытные посмотреть, что спрятано под досками. Должно быть, промышленники рассчитывали найти склад провизии, часто устраиваемый в этих местах для случайной помощи погибающим.

Ф. А. Матисен и бывшие с ним люди поправили помост, очистили вокруг него тундру от разбросанного плавника и закрепили крест, навалив выше пирамиду камней и сохранив тем потомству еще на много лет этот печальный и назидательный памятник.

ЛИТЕРАТУРА и ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сообщено д. ч. ЯОГГО, врачом г. Средне-Колымска Сергеевым.
2. Сообщено В. В. Шепелевым, служащим Якутгосторга, который лично ознакомился с дневником; П. Калинкин в 1926 г. проживал в г. Якутске.
3. Приклонский В. Л. «Летопись Якутского края». Красноярск, 1896, стр. 201.

4. Очерк двадцатипятилетней деятельности Сибирского отдела ГГО, Иркутс 18 стр. 10.
5. Дело ВСО ГГО за 1883 г. 475 л.; отчет за 1883 г., стр. 6 (рукопись).
6. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 484.
7. Гильдер У. «Во льдах и снегах» — путешествия в Сибирь для поисков экспедиции капитана Де-Лонга. СПБ, 1885.
8. Лаптев С. Н. «Шведско-Норвежские экспедиции 1876—1878 г. в Сибирь». Сборник секции землеведения ВСОГГО, т. 2, 1926.
9. Поиски парового судна «Juniata» в 1873 г. полярной экспедиции под начальством капитана Холла на судне «Polaris».
10. ОАВС,к 2119, с. 223, л. 1.
11. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 2.
12. Лаптев С. Н. «Шведско-Норвежские экспедиции 1876—1878 г. в Сибирь». Сборник секции землеведения ВСОГГО, т. 2, 1926, ст. 12.
13. ОАВС, к 2122, с. 13, л. 5.
14. Колючинская губа.
15. Нордквист О., переводчик Шведско-Норвежской экспедиции.
16. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 187—197;«The voyage of the «Jeannette». Journals of Lieut. Comm. De-Long. L, I—II; Melville G. W. «In the Lena delta», 1883; Wichmann H. «Die Polarexpedition der «Jeannette» unter Lieut. De-Long, 1879—82». Petermanns Geogr. Mittheilungen,Heft VII, 241—252. См. также: Де-Лонг Джордж. «Плавание «Жанннеты». Сокращ. перевод с английского Г. Б. Кричевского. Изд. Главсевморпути, Ленинград, 1936.

Сведения о крушении судна «Jeannette» в Сев. Ледовитом океане, розыски лодок капитана Де-Лонга, лейтенанта Чиппа,Ниндемана и Нороса;находка 11 трупов; дневник капитана Де-Лонга; возвращение спасшихся членов экспедиции через Якутск см. также в газетах: Сибирь, 1881 г. № 49, 1882 г. №№ 2—4, 10, 17, 18, 37, 43; Волга, 1881 г. № 552, 1882 г. №№ 561, 587; Моск. Ведомости, 1881 г. №№ 341, 349, 1882 г. №№ 64, 165, 206, 1883 г. № 11; Эхо газет, 1881 г. № 59; Страна, 1881 г. № 147, 1882 г. № 90; Виленский Вестник, 1881 г. №№ 266—268, 1882 г. №№ 22, 37, 105, 107; Нов. время, 1881 г. № 2077, 1882 г. №№ 2122, 2134; Порядок, 1881 г. № 339, Правительст. Вестник, 1881 г. № 278, 1882 г. №№ 106, 165; Нижегородский Листок, 1881 г. № 275, 1882 г. №№ 15, 134; Сибирская газета, 1882 г. №№ 11, 20, 29; 32; Русские Ведомости, 1882 г. №№ 161, 344; Томские Губ. Ведомости, 1882 г. №№ 14, 15, 19, 24; Восточное Обозрение, 1882 г. №№ 5, 9, 16, 20; Владикавказский Листок Объявлений, 1882 г. № 18; Казанские Губ. Ведомости, 1882 г. № 71; Русский Курьер, 1882 г. № 62, 1884 г. № 19; Московский Телеграф, 1882 г. № 57; Голос, 1882 г. № 19; Кронштадтский Вестник, 1881 г. № 133—134; Отдельные указания о плавании «Jeannette» и судьбе экипажа имеются в трудах Бондарского, Гассерт, Дитмара, Нансена, Студицкого, Танфильева, Шокальского, Щеглова, в Известиях В. С. О. Р. Г. О., Изв. Р. Г.О. Московском Обозрении и др.
17. Гильдер У. «Во льдах и снегах», стр. 188.
18. Там же, стр. 192.
19. Там же, стр. 198.
20. Там же, стр. 207.
21. Русская полярная экспедиция Академии Наук на судне «Заря» под начальством Э. В. Толля, 1900—1902 гг.
22. Краткий отчет Э. В. Толля. Известия Академии Наук, т. XX, № 5, 1904, стр. 158; The voyage of the «Jeannette», etc., т. II, стр. 681.
23. Wichmann H. «Die Polarexpedition der «Jeannette», etc., стр. 247; см. также Гильдер У. «Во льдах и снегах», стр. 217—218.
24. The voyage of the «Jeannette», т. II, стр. 689.
25. Там же, стр. 703.
26. Там же, стр. 714.
27. Эта неосведомленность оставалась в дальнейшем такой же, так как пароходы в то время ходили только до Якутска, следовательно, не достигали дельты р. Лены больше чем на 2000 км. Берега проток, дельта и в настоящее время редко населены даже в летнее, рабочее для этих мест время, а зимой почти необитаемы. См. об этом Лион С. Е. «Революционеры за полярным кругом», «Новая Москва», 1925, стр. 97—98.
28. The voyage of the «Jeannette», etc., т. II, стр. 747—748.
29. Труды Русской полярной станции на устье Лены, ч. I, 1895, стр. II (приложение).
30. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 190.
31. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 14.
32. Труды Русской полярной станции на устье Лены, ч. I,1895, стр. 54 (приложение).
33. Там же, стр. 1 (приложение).
34. The voyage of the «Jeannette», etc., т. II, стр. 756.

35. Там же, стр. 801, см. также ОАВС, к 2119, с. 223, л. 192.
36. Труды Русской полярной станции на устье Лены, ч. I, 1895, стр. 34 (приложение).
37. Там же, стр. 35.
38. The voyage of the «Jeannette», etc., т. II, стр. 801.
39. Труды Русской полярной станции на устье Лены, ч. I, 1895, стр. VI (примечание).
40. 1) Меркаторская карта дельты реки Лены, составленная экспедицией Русского географического общества с 1882 по 1884 гг.
   2) Подробная карта р. Лены с показанием всех рыболовных песков, островов, отмелей и фарватера от г. Якутска до песков Короленковских, составленная по сведениям Н. С. Горовацкого и областной чертежной в 1917 г.
   3) Схематическая карта трех главных проток дельты р. Лены: Быковской, Трофимовской и Оленекской; составлена по сведениям Н. С. Горовацкого, Якутской областной чертежной в 1917 г.; масштаб 10 верст в дюйме.
   4) Карта 1924 г. ЯАССР, изд. партии по исследованию рек Ленско-байкальского бассейнов, масштаб в 1 см 25 км.
41. Карта с обозначением астрономических и магнитных пунктов, определенных полярной экспедицией на устье Лены, 1882—1884 гг. Здесь нанесены границы леса, захватывающие остров Тит-ары и устье реч. Тит; см. также границу лесов (лиственница) на карте Г. Майделя, 1890 г.
42. Труды Русской полярной станции на устье Лены, ч. I,1895, стр. 19 (приложение).
43. The voyage of the «Jeannette», etc., т. II, стр. 801.
44. Гильдер У. «Во льдах и снегах», СПБ, 1885, стр. 226.
45. Там же, стр. 228.
46. См. урочище Булькур по левому берегу р. Лены на упомянутых выше картах; Булькур от Кумах-сурта к северу 64 км от Булуна, стр. 176, от Якутска 1776.
47. Урочище Аякит по левому берегу р. Лены в 20 км севернее Булуна.
48. The voyage of the «Jeannete», etc., т. II, стр. 801—825. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 192—195.
49. Летняя деревянная постройка, балаган.
50. Гильдер У. «Во льдах и снегах», СПБ, 1885, стр. 231—232.
51. Там же, стр. 232.
52. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 193.
53. Гильдер У. «Во льдах и снегах», СПБ, 1885, стр. 236.
54. Лион С. Е. «Революционеры за полярным кругом»,«Новая Москва»,1925, стр. 118.
55. Скворцов Е. Ф. «Ленско-Колымская экспедиция 1909», Изв. РГО, т. 2, 1914.
56. The voyage of the «Jeannette», etc., т. II, стр. 801—825, 839, 846; Лион С. Е. «Революционеры за полярным кругом», «Новая Москва», 1925, стр. 119—128.
57. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 14.
58. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 185.
59. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 186.
60. The voyage of the «Jeannette», т. II, стр. 834.
61. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 36.
62. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 46.
63. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 69.
64. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 70.
65. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 74.
66. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 97.
67. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 168.
68. ОАВС, к 2119, с 223, л. 101.
69. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 101.
70. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 173—175.
71. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 106, 107, 108, 109; см. также Лион С. Е. «Революционер за полярным кругом»., «Новая Москва», 1925, стр. 130.
72. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 240.
73. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 243, 244.
74. «Восточное обозрение», 1882, № 16, стр. 14.
75. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 240, 241, 242.
76. См. на упомянутых выше картах: «Американская гора, Могила лейтенанта Де-Лонга».
77. ОАВС, к 2124, с. 477, л. 2.
78. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 246, 247.
79. Гильдер У. «Во льдах и снегах», СПБ, 1885, стр. 159.
80. ОАВС, к 2119, с. 223, л. 248.
81. Труды Русской полярной станции на устье Лены, ч. I (см. доктор А. Бунге «Описание путешествия к устью р. Лены», 1881—1884 гг.).
82. ОАВС, к 2124, с. 484, л. 45.
83. ОАВС, к 2124, с. 484, л. 9.
84. ОАВС, к 2124, с. 484, л. 14.

85. Изв. ВСОРГО, т. XIV, стр. 63.
86. Это был тот самый кутер, на котором прибыл Мельвиль со своей партией 20 сентября 1881 г. к дельте р. Лены; до прихода поисковой партии Гарбера и Шютце кутер находился на хранении у ссыльного Кузьмы Еремеева.
87. Труды Русской полярной станции по устью Лены, ч. I, стр. 25 (приложение). См. также Изв. ВСОРГО, т. XIV, №№ 1—2, стр. 63.
88. ОАВС, к 2124, с. 484, л. 1.
89. ОАВС, к 2124, с. 484, л. 3, 4, 5.
90. ОАВС, к 2124, с. 484, л. 22.
91. ОАВС, к 2124, с. 484, л. 21.
92. ОАВС, к 2124, с. 484, л. 26, 27, 28, 29.
93. ОАВС, к 2124, с. 484, л. 25; слово «Доверительно» в подлиннике подчеркнуто, дата по старому стилю.
94. Д. Г. Анучин — генерал-губернатор Восточной Сибири.
95. В подлиннике подчеркнуто.
96. Барон Ф. Т. Остен-Сакен, директор департамента внутренних сношений, министр иностранных дел.
97. ОАВС, к 2124, с. 484, л. 30.
98. ОАВС, к 2124, с. 484, л. 37, 38, 39, 40, 41.
99. Цифры относятся к 1 января ст. ст. 1883 г.. в 1921 г. населения насчитывалось всего около 200 душ, но эта цифра, по заключению Н. И. Евгенова, подлежит проверке.
100. Легкая лодка из бересты или тонких досок. См. Майдель «Путешествие» etc., т. I, стр. 521—523.
101. Бумажная ткань.
102. В то время граф Д. А. Толстой.
103. ОАВС, к 2124, с. 484, л. 18, 19.
104. ОАВС, к 2124, с. 484, л. 12.
105. ОАВС, к 2124, с. 484, л. 36, 37.
106. «Сибирь», № 16, 29 (17) апреля 1883.
107. «Сибирская газета», № 50, 23 (11) декабря 1883.
108. ОАВС, к 2124, с. 484, л. 54, 55.
109. «Сибирь» № 51, 30 (18) декабря 1883.
110. Фаррагут (Farragut) Дэвид Глазго — американский адмирал, республиканец, род. 1801 г., ум. 1870 г., приобрел громкую славу в гражданской войне 1861 г.
111. «Сибирь», № 50, 23 (11) декабря 1883.
112. «Сибирская газета», № 1, 13 (1) января 1884.
113. «Сибирская газета», № 52, 6 января 1884 (25 декабря 1883).
114. «Восточное Обозрение», № 52, 1883.
115. Записки Зап.-Сиб. ОГГО, кн. VI, 1884, стр. 23, 24, 25, см. также «Восточное Обозрение», № 52, 1883.
116. The voyage of the «Jeannette», т. II, 865.
117. Там же, т. I, стр. 47.
118. Там же, т. I, стр. 47; т. I, стр. 45—48.
119. Шокальский Ю. Океанография, Пгрд, 1917, стр. 207.
120. Там же, Из истории географии, Л., 1926, стр. 85—86.
121. Там же, Океанография. Пгрд, 1917, стр. 207.
122. Нансен Ф. «Во мраке ночи и во льдах», Изд. Поповой, СПБ, 1902, т. I, стр. 17.
123. Там же, стр. 18.
124. Wichmann H. «Die Polarexpedition der «Jeannette», etc., стр. 251.
125. Матисен Ф. А. Экспедиция к устью р. Лены с использованием северного морского пути, Изд. Рупвода, Иркутск, 1921, стр. 37—39.

ВЕНИАМИН ПЕТРОВИЧ СЕМЕНОВ-ТЯНЬШАНЬСКИЙ

(*Вместо некролога*)

Советская географическая наука понесла большую потерю — скончался Вениамин Петрович Семенов-Тяньшаньский. Сын известного русского географа и статистика П. П. Семенова, Вениамин Петрович счастливо продолжил семейно-географические традиции и заслуженно стал одним из «лидеров» географической науки в СССР.

Научная деятельность В. П. Семенова-Тяньшаньского [1] была необычайно разносторонней. Ученый исследователь в области физической и особенно экономической географии, страноведения, статистики и антропогеографии, неутомимый организатор географической и статистической науки, краеведного и музейно-географического дела, В. П. оставил после себя богатое наследство в разнообразных областях изучения нашей родины. Наряду с самостоятельными исследованиями, В. П. был большим мастером организации крупных коллективных работ, которыми он с успехом руководил. Работы эти относятся прежде всего к области статистики — экономической и дамографической. Плодом подобной крупной работы является прежде всего обширная разработка материалов торгово-промышленной переписи 1900 г., которая вместе с обобщающей ее торгово-промышленной картой России является до сих пор ценным первичным материалом для любого исследователя истории развития производительных сил России [2]. Дазиметрическая карта по материалам переписи населения СССР 1926 г. является вторым памятником коллективной работы, организованной и руководимой В. П. Многотомное издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», начатое В. П. Семеновым, выпускалось коллективом, не-

[1] Биографическая канва жизни В. П. сводится к следующему. Он родился в 1870 г., окончил Петербургский университет, где в дальнейшем много лет занимал должность профессора. В молодости совершил большое исследовательское путешествие на Урал. В своих работах был связан преимущественно с Географическим обществом, а также с центральными статистическими учреждениями. Коренной петербуржец, В. П. прожил в Ленинграде всю жизнь, не считая, конечно, многочисленных поездок по России и за границу с географическими целями.

[2] В этой разработке В. П., вопреки статистическим традициям, стремился представить истинную, не зависящую от административных границ картину географии торгово-промышленной деятельности в России в 1900 г., поэтому он исходил из наиболее дробных из имевшихся (волостных) данных, что обусловило, с одной стороны, чрезвычайную громоздкость разработки (продолжавшейся целых 8 лет), а с другой — дало впервые основание для достаточно точного экономического районирования России. Мысль о необходимости отыскивать истинные географические ареалы, преодолевая при этом статистически-административную условность исходных данных (и для этого обращаться к наиболее дробным территориальным единицам), последовательно проводится В. П во всех его статистико-географических работах.

посредственное руководство которым принадлежало В. П. Семенову-Тяньшанькому, написавшему ряд глав в этом издании.

Индивидуальные исследования В. П. характеризуются одной общей чертой, изобличающей в авторе их именно «географа с головы до ног» и делающей интересными до сих пор и те из них, которые по своему содержанию явно устарели, — они пронизаны стремлением раскрыть многообразные связи между различными, иногда очень далекими друг от друга явлениями.

Наиболее значительной из подобных монографических исследований является книга «Город и деревня в Европейской России», вышедшая в 1910 г. в «Записках Русского географического общества». Книга эта, впервые выясняющая черты зависимости типов расселения (и устанавливающая самые эти типы) от совокупности физико-географических условий (рельеф, характер водоемов, почвы и т. п.), представляется выдающимся исследованием; ни до, ни после В. П. русская географическая наука не имела подобной сводной картины, набросанной широкими мазками и вместе с тем в тех местах, где это было необходимо, ювелирно-детальной (расшифровка отдельных типов заселения — северного долинного, водораздельного в условиях моренно-озерного ландшафта, долинно-овражного в лесостепной полосе и т. д.); не имеет это исследование аналогов и в зарубежной литературе, так как даже лучшие работы (например, известные книги Гассерта или Р. Монье о развитии городов) далеко уступают «Городу и деревне» В. П. в географичности, в ширине и глубине установленных зависимостей. При установлении признаков «истинного города» В. П. выступил большим новатором, резко отбросив традиционные в статистике административно-правовые признаки и выдвинув на первый план социально-экономические. Отправляясь от скудных статистических данных, В. П. сумел нарисовать увлекательную и подлинно географическую картину роста русских городов, дав попутно образец введения в географию исторического материала и раскрыв также планировочные особенности городов разного генетического происхождения (административного, торгового, военного и т. п.); характеристика географических и исторических условий роста, например Петербурга, может удовлетворить самого требовательного читателя-специалиста. Мастерское сочетание массово-статистических и индивидуально-географических моментов делает эту работу примером полного владения автором сложным антропогеографическим материалом — вплоть до коммунально-технических характеристик.

Другое монографическое исследование В. П. — «Типы местностей Европейской России и Кавказа» (1915 г.) — носит в основном геоморфологический характер и в значительной степени устарело. Методологически оно интересно тем, что автор и здесь пытается всюду раскрыть географические связи явлений; однако, сближая при этом отдаленные явления из области исторической геологии (периода оледенения) и географической оценки условий обитания человека, он слишком увлекается и выдвигает ряд сомнительных положений.

Большой интерес представляют работы В. П. по политической географии, тем более, что в этой области русская географическая мысль работала сравнительно немного. Здесь надо назвать обширный доклад «О могущественном территориальном владении», прочитанный В. П. в Географическом обществе в 1912 г. и изданный со значительными дополнениями в 1915 г., в период ожесточенной борьбы русского народа против германского империализма. В этой незаслуженно забытой сейчас работе В. П. свойственными его манере крупными мазками рисует

отдельные территориальные «типы» крупных государственных образований («кольцеобразный», представленный, например, Римской империей с ее вкругсредиземноморским размещением владений, «Клочкообразно-колониальный» и, наконец, тип «от моря до моря»). Географические задачи защиты внешних границ и внутренней «технической организации» территории, встающие перед Россией, представляющей именно этот последний тип, с большой четкостью показаны автором, поднявшимся в этой работе до высокого патриотизма (впрочем, проходящего через все его работы, начиная от многотомной, любовно-детализированной «России»). При этом достаточно далекий от политики (он даже специально предостерегает от подмены политической географии — политикой в географии, словно предвидя появление оголтело-фашистской «геополитики»), В. П. находит немало едких слов для характеристики бездарности и ограниченности царского правительства, отсутствия у него определенной «географической идеи» во внутреннем развитии огромных территорий, приведенных под его власть колонизационным гением русского народа (например, бесплановость в строительстве транспортных путей, роль которых особенно важна в государствах типа «от моря до моря»).

Уже перед закатом своей научной деятельности, в 1928 г., В. П. выпустил монографию «Район и страна». Эта книга, содержание которой составляет довольно пестро подобранные методологические вопросы страноведения и географии в самом широком смысле этого слова, является как бы энциклопедией всего идейно-географического материала, так разносторонне продуманного и проработанного автором за его большую научную жизнь. В. П. попытался здесь подытожить добытые географией (и им лично)[1] общие идеи — и потерпел неудачу; книга получилась мозаичной, расплывчатой и как бы потерявшей предмет.

Мы не имеем возможности касаться здесь многосторонней научно-организаторской деятельности В. П. в Государственном географическом обществе, в руководстве которым он неизменно участвовал, в статистических учреждениях, в университете, в краеведческих организациях[2], в работах по подготовке издания Большого Советского Атласа мира, по представительству советской географии в ее международных выступлениях, наконец, его трудов по созданию Центрального географического музея, не имевшего в России прецедентов и давшего большой толчок для образования целой сети краеведо-географических музеев.

Сказанного, однако, уже достаточно, чтобы представить себе богатое, подчас «растворившееся» и ставшее незаметным научное наследство В. П.; достаточно, чтобы с благодарностью отметить память этого большого ученого, горячего патриота, неутомимого труженика.

В. Покшишевский

[1] В «Район и страна» вошли в пересказе, а иногда и текстуально основные положения, развитые раньше В. П. в его отдельных работах.

[2] В. П. Семенов-Тяньшаньский написал ряд работ и брошюр по организации краеведческого дела, по вопросам географии для краеведов. Кроме того, можно назвать его популярную работу «Суша и моря СССР», предназначенную для преподавателей географии в начальных школах.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К. С. БАДИГИН. На корабле «Георгий Седов» через Ледовитый океан. Записки капитана. Научная редакция Н. Н. Зубова. (Записки о жизни и работе на ледокольном пароходе «Г. Седов», дрейфовавшем с 23 октября 1937 по 13 января 1940 г. в Северном Ледовитом океане, составленные членами экипажа. Книга I). Изд. Главсевморпути, М., 1940, 606 стр.

С большим художественным мастерством, просто и увлекательно автор излагает героическую борьбу экипажа с льдами, угрожавшими судну гибелью, знакомит с бытом экипажа в необычных условиях дрейфа, рассказывает о его переживаниях, связанных с неустанной заботой о нем партии и правительства, описывает перипетии организации и проведения большой научной работы, в которой то или иное участие приняли все 15 членов экипажа судна. Хотя в распоряжении участников дрейфа было довольно много научного снаряжения, однако некоторые необходимейшие предметы, как, например инструмент для измерения глубин океана и лотлинь к нему, отсутствовали и были сделаны во время дрейфа членами экипажа, проявлявшими большую изобретательность. Это потребовало громадного упорства и терпения. Семь раз обрывался лотлинь длиной в 5 км с лишним, на плетение которого уходило всякий раз 3—4 недели, при первых попытках измерения глубины, и вся работа оказывалась впустую. Только на восьмой раз удалось ввести одно простое усовершенствование, обеспечившее удачу.

Благодаря успешной постановке наблюдений и их тщательности научные результаты дрейфа, продолжавшегося 812 суток, оказались очень значительными. Весьма важно, что дрейф прошел между путями, которые проделали «Фрам» и станция «Северный Полюс», так что сопоставление материалов этих трех дрейфов позволяет окончательно обосновать ряд сделанных ранее и новых научных выводов.

Ценность метеорологических наблюдений, которые велись через каждые два часа, чрезвычайно увеличивается наличием большой сети советских полярных станций. Научные результаты наблюдений, которых автор попутно касается в различных местах книги, в развернутом и систематическом виде излагаются в заключительной главе, написанной К. С. Бадигиным совместно с Н. Н. Зубовым. Здесь затронуты лишь те вопросы, обработка материалов по которым сделала значительные успехи, среди них на первом месте стоит проблема закономерностей дрейфа полярных льдов. Наблюдения на «Седове» частью подтвердили закономерности, установленные Нансеном в результате дрейфа на «Фраме» и экипажем дрейфа станции «Северный Полюс», и дали возможность внести в них существенные дополнения.

Закономерности эти сводятся к следующему. В районе глубоководной части Ледовитого океана, где исключаются влияния побочных местных условий, дрейф льдов происходит со скоростью, в 50 раз меньшей скорости ветра; при этом он отклоняется от направления ветра (под влиянием вращения земли) на 24° вправо. В результате этого дрейф льдов направляется вдоль изобар и совершается со скоростью, пропорциональной градиенту атмосферного давления. Отсюда вывод, что вокруг «полюса недоступности» льды должны описывать замкнутую фигуру, двигаясь по часовой стрелке; на территории же большей части остального Полярного бассейна льды в общем дрейфуют на запад, и при выходе в Гренландское море и приближении к кромке полярных льдов движение их становится все быстрее и быстрее вследствие отсутствия сопротивления, оказываемого льдами друг другу в центральных частях области распространения полярных льдов.

Дрейф «Седова» и станции «Северный Полюс» совершался в 2,5 раза быстрее, чем дрейф «Фрама»; это является результатом изменения климатического режима — усиления циркуляции атмосферы, с чем связано и наблюдаемое за последние десятилетия потепление Арктики. Наблюдения на «Седове» показали, что это потепление распростра-

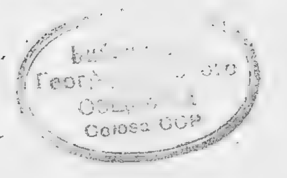
няется и на центральные части Полярного бассейна (севернее 85° с. ш.). Из других наблюдений интересно отметить:

1) В районе дрейфа «Седова» и «Фрама» количество атмосферных осадков было очень мало: за 1939 г. выпало всего 74 мм, почти половина из которых приходится на июль и август, когда наблюдались дожди. 2) Глубокие слои воды в северной части Гренландского моря, где закончился дрейф «Седова», гораздо холоднее, чем в Полярном бассейне. Объясняется это тем, что пресные воды от летнего таяния полярных льдов и пресные воды могучих сибирских рек, разливающиеся по поверхности Ледовитого океана, уменьшают плотность поверхностных слоев воды океана, что мешает этим сильно остывшим слоям воды спускаться вниз и понижать температуру глубоких слоев. В Гренландском море эти условия отсутствуют.

Мы не можем здесь останавливаться на ряде других интересных выводов.

Следует еще отметить, что внешнее оформление книги вполне отвечает ее интересному содержанию. Кроме нескольких карт, дано много прекрасно исполненных фотоиллюстраций, и по своему оформлению книга не уступает аналогичным американским изданиям.

Акад. А. Григорьев

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

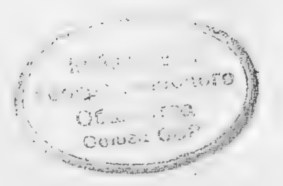
Критика и библиография

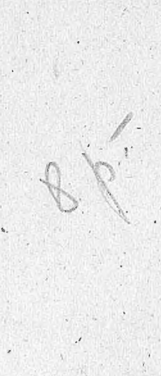
CONTENS

Critics and Bibliography

Подписано к печати 28/XII 1942.
4 п.л.+1 вкл., 6 учетных листов. фор. $70\times108^{1}/_{16}$.
НС 44654. Тираж 650 экз.+50 оттисков. Заказ 0771

Филиал 1-й Образцовой типографии Огиз'а РСФСР
треста «Полиграфкнига», Свердловск, ул. Ленина, 47.

2

